

ФЕМИДА SCIENCE

№ 1 (2)
2016

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Чимакадзе Ф.В.

Правовая определенность: принцип или явление? 3

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Филатова А.О.

Конституционно-правовые ограничения пассивного избирательного права кандидата на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 18 сентября 2016 года 8

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Арефьева А.Ю.

Трансплантация органов и тканей человека: гражданско-правовые вопросы . . . 15

Побирохина А.А.

Недействительность как ограничение принципа свободы договора 19

Поляков А.В.

Потребители программного обеспечения 22

Саркисян О.В.

Соотношение принципа недопустимости одностороннего отказа и существенного изменения обстоятельств 25

Захаров Н.О.

К вопросу о соблюдении принципа соразмерности ограничения прав и свобод при признании сделки недействительной 31

Ефимов А.В.

Об имущественных основаниях аффилированности 36

Азимова Е.А.

Непоименованные договоры в российском гражданском праве 38

ВОЕННОЕ ПРАВО

Сибилев С.С.

История подготовки кадров для органов юридической службы Вооруженных сил России 42

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Серегина Е.В., Омарова К.Н.

Уголовно-правовая политика в сфере охраны жизни новорожденного ребенка 46

ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Бойчук В.В.

Понимание доступности правосудия и ее места в современной правовой системе 50

ОРГАНИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Токарев Э.А.

Актуальные вопросы обращения взыскания на исключительные имущественные права на объекты интеллектуальной собственности. 53

ЭКОНОМИКА

Цветкова А.А.

Хозяйственная целесообразность как определяющий фактор изменения политики в природопользовании на Обь-Иртышском Севере в период 1920–1930 гг. 56

Дилбарян-Дарчинян Т.С.

Развитие социально-экономического потенциала российской Арктики через расширение ресурсной базы Арктической зоны Российской Федерации. . . 58

Саранцева В.С.

Сырьевая база территорий Крайнего Севера 59

Борисова Д.Ф.

Анализ картографического обеспечения территории Крыма. 62

Аблямитова С.Ш.

Правовые аспекты сохранения и развития экологической сети Республики Крым 64

ОБЗОРЫ НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Ежегодная международная научно-практическая конференция «Право и суд в современном мире». 67

Отчет о внешних мероприятиях РГУП за 2015–2016 учебный год. 68

“Фемида.Science”

Ежеквартальный журнал

Тематика: Научные публикации по вопросам правовой науки и смежных наук

Издается с 2015 года. Зарегистрирован 30.12.2014 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство ЭЛ №ФС 77-60434

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования “Российский государственный университет правосудия”
Адрес редакции 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69а, каб. 305

Рабочая группа:

Верстка: Егорова Т.Б.

Специалист по инновационным проектам: Любимова М.Д.

Корректор: Паламарчук В.В.

ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ: ПРИНЦИП ИЛИ ЯВЛЕНИЕ?

Чимакадзе Ф.В.

аспирант кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия

Проблема поиска определенности в праве имеет существенное теоретико-правовое и практическое значение, поскольку именно с поиском определенности в праве зачастую связано возникновение юридических конфликтов и правовых споров. В этой связи Европейский Суд по правам человека, а затем и Конституционный Суд РФ пришли к выводу о существовании «принципа правовой определенности». Представляется целесообразным выяснить, является ли «принцип правовой определенности» принципом права или это явление неправовой природы, а также каковы его сущностные стороны.

В отечественной теории права существование принципа правовой определенности нашло определенную поддержку, однако у большинства авторов нет общего мнения о его сущностных проявлениях. Например, Е.А. Борисова считает, что содержание принципа правовой определенности заключается в соблюдении требования устойчивости окончательных судебных актов (принцип *res judicata*)¹. В.И. Анишина и Т.Н. Назаренко рассматривают указанный принцип как синоним термина «формальная определенность»². Наиболее широко принцип правовой определенности рассматривается Т.М. Пряхиной, утверждающей, что он «представляет собой совокупность дополняющих друг друга требований, кото-

рым должен отвечать текст закона, правил законотворческой деятельности и постулатов правоприменительной практики»³.

По нашему мнению, вернее было бы говорить не о принципе правовой определенности, а об особом социальном явлении, имеющем свое развитие в ряде правовых принципов. В обоснование данного тезиса нам следует рассмотреть, что из себя представляет неопределенность в праве, как она проявляется и каковы средства ее преодоления.

Проблема неопределенности в праве наиболее рельефно проявляется на фоне формальной определенности права как одного из наиболее существенных его признаков. Согласно отечественной правовой доктрине, под формальной определенностью права понимается точное обозначение порождающих правовые последствия обстоятельств, точное определение участников и содержания правоотношений, запретов и санкций за их нарушение⁴.

Представляется, что возникновение неопределенности в праве напрямую связано с процессом толкования формально определенных абстрактных норм права, где на первый план выходит проблема *субъективности* толкования.

Известный итальянский правовед и философ Э. Бетти писал, что в акте толкова-

¹ Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: Учебное пособие. М.: Норма: Инфра-М, 2013. С. 309.

² Анишина В.И., Назаренко Т.Н. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 2. С. 40.

³ Пряхина Т.М. Принцип правовой определенности: общая характеристика и нормативное содержание // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Правовые чтения на Большом Каретном — 2014», Москва, ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. С. 109.

⁴ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 70.

ния участвуют «интерпретатор как живой и мыслящий дух» и «дух, объективированный в смыслодержающих формах», которые следует понимать сообразно их изначальному предназначению — отражению формообразующей воли автора текста⁵. Согласно философскому учению Г.-В. Гегеля, этим объективированным в смыслодержающих формах источников права духом является «субстанциональная воля» общества, воплощающаяся в государственном строе и внутреннем государственном праве⁶.

Однако результат толкования права во многом зависит от «мыслящего духа» субъекта толкования, в котором отражены его нравственные ценности, субъективные цели и желания интерпретатора относительно результата толкования.

Как писал Г.-В. Гегель, человеческое самосознание — это «формальная воля, которая представляет собой процесс перевода субъективной цели в объективность через опосредование деятельности и некоторого средства»⁷. Таким образом, если субъект толкования права закладывает в него достижение некоей своей субъективной цели, то акт толкования превращается в опосредующую деятельность по реализации целевой установки, а сам результат толкования права — в средство достижения субъективной цели интерпретатора, которая может быть далека от идеала «субстанциональной воли».

Иными словами, в зависимости от фактической цели интерпретатора, не фактические обстоятельства и цели подводятся им под норму права, а наоборот, норма права подводится им под субъективную цель. Производится надделение смыслом «толкуемой» нормы права, а не повторное конструирование ее смысла интерпретатором. Г.-В. Гегель отмечал, что толкование права в соответствии с субъективной целью зачастую приводит к превратному представлению о праве, к неправде, которая противоречит тому,

что есть право в себе, является видимостью права, но не соответствует его сущности⁸.

Таким образом, ввиду свободного толкования права различными субъектами, имеющими зачастую взаимоисключающие интересы и требования к результатам толкования, неизбежно возникают конфликты интерпретации правовых предписаний и, как следствие, субъективная неопределенность в истинной сущности правового регулирования общественных отношений — *неопределенность в праве*.

Однако субъективная неопределенность в праве может возникнуть не только на почве *субъективных причин* возникновения неопределенности в праве при его толковании, но и в случае наличия некоторых *объективных причин* невозможности дать однозначный ответ относительно сущности права. К ним можно отнести изъяны нормативного правового регулирования общественных отношений, которые могут относиться как к нарушениям формальной определенности права, так и к общим изъянам правоприменения.

В данном случае можно говорить об объективных нарушениях ряда базовых принципов права, таких как принципы формальной определенности права, верховенства права, законности и устойчивости судебных актов (принцип *res judicata*). Указанные правовые принципы были фактически объединены ЕСПЧ, а затем и Конституционным Судом РФ в единый комплексный принцип правовой определенности, обоснованность конструирования которого, однако, дискуссионна.

Во-первых, спорной представляется практическая необходимость объединения уже существующих и признанных в отечественной правовой доктрине, законодательстве и правоприменительной практике принципов права в новый комплексный принцип.

⁵ Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М., 2011. С. 23, 24, 30.

⁶ Гегель Г.-В. Философия права. М., Ленинград, 1934. Т. VII. С. 263, 269, 286, 299.

⁷ Гегель Г.-В. Указ. соч. С. 38.

⁸ Там же. С. 107–108.

Во-вторых, сложность и многогранность современного общества выражается в широком многообразии «коммуникативной практики» различных общественных отношений. Стабильность их осуществления необходима для воспроизводства соответствующего общества, его социального и культурного строя, а потому входит в круг его приоритетных задач⁹.

Таким образом, «принцип правовой определенности» представляется не столько явлением правовой природы, сколько особым социальным явлением, отражающим стабильность общественных отношений и имеющим свое дальнейшее развитие в ряде принципов права, направленных на обеспечение стабильности правового регулирования общественных отношений.

С практической точки зрения целесообразным представляется рассмотреть суть явления правовой определенности, как его видят ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ, именуя «принципом» права.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, отраженной в п. 9 Постановления от 5 февраля 2007 г. № 2-П, «общеправовой принцип правовой определенности предполагает стабильность правового регулирования и исполнимость вынесенных судебных решений». Кроме того, как неоднократно указывал Конституционный Суд, при осуществлении правового регулирования должен соблюдаться принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, предполагающий правовую определенность, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему правовых норм и предсказуемость нормотворческой политики, с тем, чтобы участники соответствующих правоотно-

шений могли в разумных пределах *предвидеть* последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действительности их государственной защиты¹⁰.

Соответственно, требуется определить: при помощи каких правовых средств явление правовой определенности обеспечивает стабильность правового регулирования общественных отношений и каковы его существенные стороны.

По нашему мнению, явление правовой определенности имеет, во-первых, свою формальную сторону (формальная определенность). Во-вторых, указанное явление имеет свою содержательную, материальную сторону, проявляясь в области непосредственного регулирования общественных отношений и правоприменения.

Согласно правовой позиции ЕСПЧ, выраженной в Постановлении по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» от 26 октября 2000 г. и Постановлении по делу «Санди таймс» против Соединенного Королевства» от 26 апреля 1979 г., закон должен быть понятным и *предсказуемым*, он должен быть сформулирован с достаточной степенью ясности, позволяя гражданину предвидеть последствия, которые может повлечь определенное действие, и соответствующим образом регулировать свое поведение. Аналогичная позиция ЕСПЧ была выражена в постановлениях по иным делам¹¹.

Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 14.04.2008 № 7-П выдвигает правовую позицию, согласно которой «... из конституционных принципов правового государства, справедливости и равенства всех перед законом и судом вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности

⁹ Аганов О.Д. Интерпретация как практика автопоэзиса человеческого бытия. Казань, 2009. С. 149, 157.

¹⁰ См: Постановления Конституционного Суда РФ от 16 декабря 1997 года № 20-П, от 24 мая 2001 года № 8-П, от 19 июня 2002 года № 11-П, от 23 апреля 2004 года № 9-П//СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Постановление ЕСПЧ от 26 октября 2000 «Дело «Хасан (Hasan) и Чауш (Chaus) против Болгарии» // СПС «КонсультантПлюс; Постановление ЕСПЧ от 28 июня 2007 «Дело «Шухардин (Shukhardin) против Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс; Постановление ЕСПЧ от 26 апреля 1979 г. по делу «Санди таймс» против Соединенного Королевства» // СПС «Гарант».

правовой нормы и ее согласованности с системой действующего правового регулирования... принимаемые им законы должны быть определенными как по содержанию, так и по предмету, цели и объему действия, а правовые нормы — сформулированными с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ними свое поведение, как запрещенное, так и дозволенное»¹². Здесь имеется в виду именно требование к формальной определенности права, в частности, на это прямо указывает О.Э. Лейст¹³.

Однако следует вернуться к непосредственной теме нашего исследования. Как указывает Конституционный Суд РФ, *неточность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного его применения, что противоречит конституционным принципам равенства и справедливости, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями, поскольку иное не может обеспечить ее единообразное применение, не исключает неограниченное усмотрение в правоприменительной практике и неизбежно ведет к произволу*¹⁴.

Иными словами, формальная определенность права призвана обеспечить стабильность правового регулирования общественных отношений, проявляющуюся в единообразном понимании, толковании и применении права, что представляет собой реализацию материальной стороны явления правовой определенности.

Также следует учитывать, что ЕСПЧ исходит из широкого понимания права, включая

в данное понятие не только законы и иные нормативно-правовые акты, но и устоявшуюся практику правоприменения, включая судебные решения, что характерно как для англосаксонской, так и для романо-германской правовой семьи. Согласно правовой позиции ЕСПЧ термин «закон» следует понимать в материальном, а не формальном смысле: он включает как писаное право, так и регулятивные меры, принятые компетентными распорядительными органами. С точки зрения ЕСПЧ, в сфере действия писаного права законом является действующий правовой акт, как он истолкован компетентными судебными органами¹⁵.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что осуществление стабильности правового регулирования общественных отношений возможно только при единообразном понимании действующего права, другими словами, путем преодоления неопределенности в праве.

Одним из наиболее часто рассматриваемых в научной литературе проявлений явления правовой определенности является известный еще из римского права принцип устойчивости судебных актов — *res judicata*. Согласно правовой позиции ЕСПЧ, отраженной в п. 52 Постановления по делу «Рябых против Российской Федерации», «правовая определенность предполагает уважение принципа *res judicata*, то есть принципа недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела... Полномочие вышестоящего суда по пересмотру дела должно осуществляться в целях исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, а не пересмотра по существу... Отступления от этого принципа оправданны, только когда явля-

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2008 № 7-П//СПС «КонсультантПлюс»

¹³ Лейст О.Э. Указ. соч. С. 73.

¹⁴ См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 года № 3-П, от 15 июля 1999 года № 11-П, от 13 декабря 2001 года № 16-П, от 11 ноября 2003 года № 16-П, от 17 июня 2004 года № 12-П, от 13.07.2010 № 15-П, от 17 октября 2012 № 21-П.

¹⁵ См.: Постановление ЕСПЧ от 10 ноября 2005 г. по делу «Лейла Шахин против Турции» // СПС «КонсультантПлюс; Постановление ЕСПЧ от 24 апреля 1990 г. по делу «Крюслен против Франции» (*Kruslin v. France*) // СПС «КонсультантПлюс; Постановления ЕСПЧ от 15 ноября 1996 по делу «Кантони (Cantoni) против Франции» // СПС «КонсультантПлюс.

ются обязательными в силу обстоятельств существенного и непреодолимого характера». Как указывает Конституционный Суд РФ в Постановлении от 19 марта 2010 года № 7-П, «по мнению Европейского Суда по правам человека, одним из основополагающих аспектов верховенства права является принцип правовой определенности, который среди прочего требует, чтобы в случаях вынесения судами окончательного решения по делу это решение не ставилось бы под сомнение»¹⁶.

Представляется, что рассматриваемый в процессуальном праве принцип *res judicata* также имеет своей целью достижение стабильности правового регулирования общественных отношений; но уже не на уровне системы права в целом, а на локальном уровне конкретного правоотношения, в котором права и обязанности сторон устанавливаются судебным правопримени-

тельным актом. При этом известная степень устойчивости судебного решения является, по сути, правовым средством для обеспечения стабильности правоотношения.

Подводя итог сказанному, сделаем следующие выводы.

Во-первых, «принцип правовой определенности» является особым социальным явлением, отражающим стабильность общественных отношений.

Во-вторых, явление правовой определенности находит свое отражение в ряде принципов права, направленных на обеспечение стабильности правового регулирования общественных отношений.

В-третьих, осуществление стабильности правового регулирования общественных отношений возможно только при единообразном понимании действующего права, другими словами, путем преодоления неопределенности в праве.

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2010 года № 7-П//СПС «КонсультантПлюс»

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА КАНДИДАТА НА ВЫБОРАХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 18 СЕНТЯБРЯ 2016 ГОДА

Филатова А.О.

аспирант III года обучения очного отделения
(кафедра конституционного права им. Н.В. Витрука)
Российского государственного университета правосудия

Изучение содержания и развития избирательных цензов (ограничений, условий) пассивного избирательного права в преддверии выборов Государственной Думы 18 сентября 2016 г. является наиболее актуальным для политологов, политических партий, юристов и будущих кандидатов в депутаты. Интерес конституционного права как науки предопределен приоритетным количеством обращений на нарушение избирательных прав граждан, которыми будут «завалены» национальные суды в конце 2016–2017 гг. Так, практика прошлых лет показывает, что в 2012 г. (в этом году проводилась избирательная кампания по выборам Президента Российской Федерации, в предыдущем году — в декабре 2011 — избирательная кампания по выборам в Государственную Думу) в Конституционный Суд РФ поступило 810 обращений, что позволило выделить категорию «изби-

рательные права и право на участие в референдуме» в самостоятельный раздел по учету количества обращений в Конституционный Суд. При этом по статистике за 2015 — первый квартал 2016 г. в Конституционный Суд по вопросам несоответствия избирательного законодательства Конституции РФ и нарушения избирательных прав граждан было направлено 34 обращения.

Неудовлетворенность граждан РФ решениями национальных судов по избирательным спорам выражается и в большом количестве обращений граждан в Европейский суд (2015 г.) по правам человека, что не раз было причиной правовых коллизий в международном и отечественном законодательстве: «Дело Анчугова-Гладкова»¹ и «Дело Егорова»² против Российской Федерации.

Стоит отметить, что пассивное и активное избирательное право не могут рассма-

¹ Постановление ЕСПЧ «Дело Анчугов и Гладков против Российской Федерации» от 4 июля 2013 г. (Anchugov and Gladkov v. Russia 11157|04 15162\05) // Бюллетень ЕСПЧ. Росс. изд. 2014. № 2. С. 11, 142–144.

² Постановление Конституционного Суда «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2. статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова и др. // Росс. газета. 2013. 23 окт. // СПС «Консультант-Плюс».

триваться как единая возможность участия населения в избирательном процессе. В случае приобретения статуса кандидата особую роль играет содержание пассивного избирательного права, его комплексность и существующие разновидности, условия его ограничения. На различных этапах избирательного процесса можно выделить следующие «производные» от пассивного избирательного права: право гражданина на самовыдвижение; право на выдвижение гражданина политической партией; право быть зарегистрированным кандидатом; право на отказ от полученного мандата в период определения итогов голосования; право участвовать в предвыборной агитации; право участвовать в наблюдении за проведением выборов, работой избирательных комиссий, назначении своих доверенных лиц и наблюдателей; право кандидата участвовать в других избирательных действиях.

Наиболее «общие требования», которые можно классифицировать как избирательные цензы, применяемые к выдвигаемым кандидатам в депутаты Государственной Думы, представлены в ст. 5 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»:

1. Не имеет права избирать и быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий граждан Российской Федерации, признанный судом недееспособным или содержащийся в местах лишения свободы по приговору суда.

2. Не имеет права быть избранным депутатом Государственной Думы граждан Российской Федерации, имеющий гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства.

Избирательные ограничения в отечественном законодательстве для кандидатов

предполагают, что не имеют права быть избранными:

а) осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления;

а.1) осужденные к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, — до истечения десяти лет со дня снятия или погашения судимости;

а.2) осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, — до истечения пятнадцати лет со дня снятия или погашения судимости;

б) осужденные за совершение преступлений экстремистской направленности, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления;

в) подвергнутые административному наказанию за совершение административных правонарушений, предусмотренных статьями 20.3 и 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, если голосование на выборах состоится до окончания срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Кроме того, в целях обеспечения равенства кандидатов избирательное законодательство устанавливает ограничения, связанные с должностным или служебным положением. Как отмечает А.С. Кучин, лица, уже замещающие выборные должности, всегда будут иметь определенные преимущества в избирательном процессе. В этой связи необходимо отличать использование выборных должностей, являющееся простым политическим преимуществом (вполне естественным), от явного злоупотребления властью, которое

³ Кучин А.С. Статус кандидата в российском избирательном праве // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 6. С. 16–20.

должно подлежать ограничению или наказанию³.

Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливает запрет на использование кандидатами, замещающими государственные или муниципальные должности, а также должности в организациях, осуществляющих выпуск средств массовой информации, преимуществ должностного или служебного положения. Все тот же Закон в п. 5 ст. 40 закрепляет перечень обстоятельств, подпадающих под действие данного запрета. Установленные избирательным законодательством ограничения целесообразно распространить на руководителей организаций независимо от формы собственности (за исключением общественных объединений), выдвинутых в качестве кандидатов.

Несколько «иным» ограничением в области пассивного избирательного права, сложившимся во многих европейских государствах, но не получившим распространение в отечественном избирательном законодательстве, является институт неизбираемости. Например, Избирательный кодекс Франции устанавливает перечни должностных лиц, которые на выборах того или иного уровня до сложения с себя полномочий и в течение некоторого времени после этого (полгода, год) не могут быть зарегистрированы в качестве кандидатов. Встречается и так называемая относительная неизбираемость — запрет баллотироваться в том округе, где должностное лицо исполняло свои обязанности. Такие ограничения призваны не допустить использование преимуществ должностного положения, обеспечить равные права граждан на замещение выборных должностей.

Однако в практике избирательных кампаний Российской Федерации сложилась ситуация, когда председатели фракций политических партий Государственной Думы выдвигают свои кандидатуры на выборах в региональные парламенты, а иногда и местные представительные органы с целью завоевать для регионального отделения

партии большее количество мандатов. Иной пример: представительство по избирательным округам в списке кандидатов политической партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы высших должностных лиц субъектов РФ (так называемая тактика «паровозов»). В сложившейся ситуации происходит автоматический обман граждан, так как избиратели голосуют за авторитетную кандидатуру в ходе данной избирательной кампании, при этом заранее известно, что данная кандидатура откажется от распределенного мандата и передаст его следующей кандидатуре по списку, которая скорее всего является менее авторитетной, а может быть и вовсе не знакомой избирателю по данному избирательному округу. Применение института неизбираемости в отечественном законодательстве является необходимым условием для обеспечения прозрачности и равенства кандидатов в ходе избирательных кампаний различного уровня власти.

Помимо «избирательных цензов» и «избирательных ограничений» пассивного избирательного права (права быть избранным), необходимо выделить также ряд условий, ограничивающих возможность реализации такого права. К таким «условиям» в современных российских правовых реалиях относятся: назначение даты выборов законодательного (представительного органа субъекта) органа власти, применение смешанной избирательной системы, применение «Единого дня голосования», использование политическими партиями системы «праймериз» либо «закрытых партийных съездов» для выдвижения кандидатов.

Применение пропорциональной избирательной системы для замещения 225 мандатов в 2016 г. предполагает изучение особенностей процедуры выдвижения списков кандидатов политическими партиями. На данный момент в Министерстве юстиции Российской Федерации зарегистрировано 77 партий с достаточно «перспективными» названиями: «Партия Социальных Сетей», «Партия свободных граждан», «УМНАЯ РОССИЯ», «Партия налогоплательщиков

России», «Трудовая партия России», «Партия Духовного Преображения России», «Женский Диалог», «Рожденные в Союзе Советских Социалистических Республик», КПСС, «ПРОТИВ ВСЕХ»⁴ и другие, пятнадцать из которых имеют право участвовать в выдвижении кандидатов на выборах депутатов Государственной Думы 18 сентября 2016 г. Зачастую данные партии отражают идеологию не конкретного слоя населения, а «клубные интересы любителей», что не может впоследствии вылиться в борьбу интересов на политической арене.

При этом в Федеральном законе «О политических партиях» следовало бы принять норму для ограничения по вопросу выбора наименования партии. Использование такого названия политической партии, как «ПРОТИВ ВСЕХ», вводит избирателя в заблуждение (при факте низкой правовой и политической культуры) в связи с тем, что данное словосочетание используется в избирательных бюллетенях при реализации права граждан не голосовать ни за одну из представленных политических партий, при этом данный институт избирательного права отменен на федеральном и региональном уровне в 2003 г., в 2012 г. введен для использования на местном уровне. В результате подмены понятия искажается воля избирателя: желая использовать свое право на выражение недоверия всем политическим партиям, избиратель автоматически голосует за политическую партию «ПРОТИВ ВСЕХ». Аналогичная ситуация обстоит с наименованием партии КПСС (коммунистическая партия социальной справедливости) — избиратели (в основном пожилая группа граждан), слабо информированные в области политологии, представляют, что данная партия пропагандирует возвращение к советскому прошлому, его ценностям, благодаря чему данная партия, обманывая избирателя, участвует в распределении мандатов.

Так, на выборах Законодательного собрания Калужской области 13 сентября 2015 г. КПСС, список которой возглавлял гражданин Леонид Брежнев, даже не являющийся членом этой партии, была допущена к распределению мандатов⁵, а в 2014 г. Краснодарский край «отдал» за кандидата из партии двадцать шесть с половиной тысяч голосов, Саратовская область «отдала» чуть больше шести тысяч голосов. На Сахалине за партию проголосовали три тысячи двести избирателей, а избиратели Северной Осетии «отдали» две тысячи семьсот тысяч своих голосов за «КПСС»⁶.

В большинстве случаев уставы политических партий включают в себя главу, посвященную «традиционному порядку» выдвижения кандидатов. Исходя из предложенного процесса, пассивное избирательное право может быть реализовано при пропорциональной системе в случае одобрения кандидатуры гражданина не менее чем 10 членами регионального отделения. При этом стоит учесть, что в теории избирательного законодательства списки, формируемые политическими партиями на этапе выдвижения кандидатов, являются закрытыми, т.е. воздействовать на расположение кандидатур внутри партийного списка ни сам гражданин, ни население в целом не могут.

При этом стоит отметить положительную тенденцию в области правовых основ защиты пассивного избирательного права граждан, выдвинувших свою кандидатуру в зарегистрированном списке, отраженную в Постановлениях Конституционного Суда по вопросу конституционности распределения политической партией вакантного мандата. Так, в Постановлении от 19 декабря 2013 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго пункта 5 статьи 53 Уставного закона Красноярского края «О выборах депутатов Законо-

⁴ Список зарегистрированных политических партий в РФ на 1 мая 2016 г. // <http://minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok>.

⁵ Бюллетень Избирательной комиссии Калужской области // Весть. 2106. № 9.

⁶ «Фальшивые коммунисты». Еще раз про партии-обманки // <https://kprf.ru/opponents/blende/121550.html>.

дательного Собрания Красноярского края» в связи с жалобой гражданина В.А.Худоренко»⁷ Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что после формирования краевого списка зарегистрированных кандидатов усмотрения политической партии в отношении распределения по результатам выборов незамещенных депутатских мандатов не предполагается; единственными конституционно признанными обладателями пассивного избирательного права являются граждане и что с приобретением гражданином публично-правового статуса кандидата в депутаты процесс реализации им пассивного избирательного права перестает быть предметом свободного усмотрения выдвигнувшего его избирательного объединения (политической партии, ее регионального отделения).

На сегодняшний момент одним из приоритетных избирательных условий в отношении права на выдвижении кандидатуры является проведение политической партией праймериз. Так, 22 мая 2016 г. пройдет внутрипартийный «праймериз» Единой России. При этом с правовой точки зрения выявляется ряд проблем: правовой статус лиц, осуществляющих подсчет голосов (руководителей счетной комиссии); функция контроля за результатами точного волеизъявления избирателей (и как следствие: контроль за соблюдением равноправия кандидатов при реализации последними избирательного права на выдвижение); предвыборная агитация (перед проведением системы праймериз) и правовые ограничения для кандидатов, связанных с ее осуществлением: вопросы о подкупах избирателей, фальсификации документации и др.

На данный момент проблема представляется сложной в рамках возможности ее правового разрешения. С одной стороны, политическая партия — общественная организация, в дела которой государствен-

ные органы не имеют права вмешиваться. С другой стороны, «невмешательство» государства в процедуру выдвижения кандидатов политической партией может повлечь за собой нарушения в области реализации избирательного права граждан на выдвижение и, как следствие, невозможность восстановления и защиты указанного избирательного права. Данная процедура накладывает также ряд дополнительных «избирательных ограничений» на кандидата для реализации своего пассивного избирательного права: необходимо заранее определить наблюдателей в состав комиссии, обеспечить финансирование предвыборной агитации, проконтролировать результаты системы «праймериз».

В Федеральный закон от 02.10.2012 № 157-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» было введено положение, согласно которому Единым днем голосования на выборах в органы государственной власти субъектов РФ и в органы местного самоуправления определено второе воскресенье сентября года, в котором истекают сроки полномочий указанных органов или депутатов этих органов. Таким образом, 18 сентября 2016 г. состоится не только избирательная кампания по выборам депутатов Государственной Думы, но и избирательные кампании по выборам органов государственной власти субъектов и органов местного самоуправления. Есть большая возможность полагать, что найдется гражданин РФ, который выдвинет свою кандидатуру и на выборах в депутаты ГД, и на выборах в региональный парламент, более того, приобретет статус «зарегистрированного кандидата» в ходе двух, а может, и трех избирательных кампаний.

⁷ Постановление от 19 декабря 2013 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго пункта 5 статьи 53 Уставного закона Красноярского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Красноярского края» в связи с жалобой гражданина В.А.Худоренко»// РГ — Федеральный выпуск. 2013. 27 декабря. № 6270 .

Так, в единый день голосования — 13 сентября 2014 г. (выборы губернатора Калужской области, выборы Законодательного Собрания Калужской области, выборы представительных органов местного самоуправления), проводимый на территории Калужской области, сложилась неоднозначная ситуация: кандидаты выдвигали свои кандидатуры в разных избирательных кампаниях (на выборах в представительный орган местного самоуправления и на выборах в Законодательное Собрание Калужской области), в двух из которых (на выборах представительного органа г. Калуги и Законодательного Собрания Калужской области) применялась смешанная избирательная система. В ходе голосования избиратель (зарегистрированный житель г. Калуги) получал 5 бюллетеней, по двум из которых происходила путаница, в связи с тем, что в бюллетенях по выборам депутатов Законодательного Собрания и выборам депутатов Городской думы города Калуги фамилии кандидатов зачастую повторялись (граждане реализовывали свое пассивное избирательное право на выборах в органы государственной власти субъекта и пассивное избирательное право на выборах в органы местного самоуправления). По результатам выборов спорных ситуаций удалось избежать: в органы власти были избраны «разные фамилии», но в теоретическом понимании возникает много вопросов.

Так, например, встает дискуссионный вопрос о том, каким образом должен замещаться вакантный депутатский мандат при совмещении избирательных кампаний в случае, если один и тот же кандидат, выдвинувший свою кандидатуру на разных выборах (представительный орган местного самоуправления и региональный парламент субъекта) по мажоритарной системе, в случае его прохождения в каждом из избирательных округов по каждому из видов выборов будет обязан отказаться от одного из них. В данном случае представляется

юридически верным решением назначение дополнительных выборов для замещения вакантного мандата, что противоречит основной причине введения единого дня голосования — экономии финансовых средств государственного либо муниципального бюджета.

Другим, не менее интересным, вопросом выступает вопрос о равноправии кандидатов, выдвинувших свою кандидатуру только по одной избирательной кампании, и кандидатов, выдвинувшим свои кандидатуры сразу в нескольких избирательных кампаниях. Учитывая принципы избирательного законодательства, стоит предположить, что кандидат, баллотирующийся одновременно на выборные должности разного уровня, неоднократно получит бесплатное эфирное время и печатные площади, что создаст для него преимущества, нарушит принцип равного доступа кандидатов к средствам массовой информации, возможность в большей степени привлечь внимание избирателя.

С данной проблемой в 2000 г. столкнулась Воронежская областная дума, итогом решения которой стало принятие Кодекса о выборах, референдумах и отзыве выборных лиц, одна из норм которого устанавливала запрет на одновременное участие гражданина в качестве кандидата в выборах разного уровня, совмещенных по дате голосования. 25 марта 2001 г. были назначены выборы депутатов Воронежской областной думы и одновременно — муниципального Совета города Воронежа. За месяц до выборов по первой же поданной жалобе на нарушение избирательных прав областной суд признал рассматриваемую норму Кодекса о выборах противоречащей Федеральному закону и недействующей, в следующем году представленная норма была отменена Областной думой⁸.

Представляется, что введенная норма для возможности предотвращения нарушения принципа равноправия кандидатов была и является чрезмерной, т.е. нарушающей

⁸ Сергеев А.А. Об ограничении пассивного избирательного права в законодательстве Российской Федерации // Выборы: Законодательство и технологии. 2001. № 3. С. 40.

пассивное избирательное право граждан. При этом тенденция к назревающей юридической коллизии проявляется достаточно ярко: различные по своему содержанию (предъявляемым цензам и ограничениям) самостоятельные пассивные избирательные права граждан (право на выдвижение кандидатуры в органы местного самоуправления и право на выдвижение кандидатуры в органы государственной власти) не должны быть реализованы в ходе одной (совмещенной) избирательной кампании.

Юридически правильным решением в устранении данной проблемы должно явиться возвращение к различным дням голосования на местном и региональном уровнях, что, как отмечает С. Шапиев, может выразиться в установлении федеральным законодателем бланкетной нормы, в рамках которой представительный орган субъекта должен самостоятельно определить дату своего единого дня голосования⁹. При этом на региональном уровне представляется возможным совмещение прямых выборов высшего должностного лица и депутатов представительного (законодательного) органа субъекта.

Таким образом, чтобы предотвратить очередные упреки международных наблюдателей от ОБСЕ, а также правовые коллизии между национальными и Европейским судом по правам человека в отношении «демократичности» избирательного права в России, необходимо:

- Признать право «быть избранным» комплексным и закрепить в общих поло-

жениях Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» его основные разновидности.

Ввести институт неизбираемости для государственных и муниципальных служащих, депутатов различных уровней.

- Отменить Единый день голосования, что может выразиться в установлении федеральным законодателем бланкетной нормы, в рамках которой представительный орган субъекта должен самостоятельно определить дату своего единого дня голосования¹⁰. При этом на региональном уровне представляется возможным совмещение прямых выборов высшего должностного лица и депутатов представительного (законодательного) органа субъекта, если применяется пропорциональная избирательная система.

- Возложить на Министерство юстиции Российской Федерации полномочие по проверке устава политической партии на предмет определения процедуры выдвижения списков кандидатов и его соответствия конституционным принципам избирательного права.

- Внести изменения в Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в отношении применяемой смешанной избирательной системы. По мнению автора, наиболее оправданным станет возможность взамен применения системы «праймериз» использовать политическими партиями «открытые списки» по пропорциональной избирательной системе.

⁹ Шапиев С., Осавелюк А. Единый день голосования в России и за рубежом: аргументы «за» и «против» // Журнал о выборах. 2012. № 6. С. 29.

¹⁰ Шапиев С., Осавелюк А. Указ. соч. С. 29.

ТРАНСПЛАНТАЦИЯ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

Арефьева А.Ю.

студентка 3 курса РГУП

Качество жизни граждан и увеличение ее продолжительности во многом зависит от уровня медицины, в том числе и от уровня развития трансплантологии, т.к. с каждым годом потребность в донорских органах стремительно возрастает. Актуальность исследования обусловлена существованием ряда проблем: во-первых, в российском законодательстве не определен правовой режим органов и тканей человека; во-вторых, нет детализированного специального закона в данной области, а вместе с тем и четко регламентированного механизма по трансплантации органов и тканей человека; в-третьих, отсутствует понимание, как соотносится институт трансплантации органов и тканей человека с институтами гражданского права (права собственности, вещного права, наследования и др.).

На сегодняшний день в законодательстве не нашел своего отражения вопрос о том, могут ли органы и ткани человека выступать в качестве объектов гражданских прав. Очевидно, что человек как таковой может выступать только в качестве субъекта (но не объекта!) правоотношений. И опровергать данное положение, на наш взгляд, не имеет смысла. Однако перед нами встает вопрос иного характера: на основании какого права органы и ткани человека ему принадлежат? Возникает необходимость разобраться, следует ли их рассматривать, как объекты права собственности. Вряд ли можно утвердительно ответить на данный вопрос в связи с тем, что здесь речь идет скорее о конституционном праве каждого человека и гражданина на физическую неприкосновенность. Из этого следует, что владение, пользование и распоряжение своим телом не носит вещ-

но-правовую природу, а выражается в существовании у каждого человека определенного набора нематериальных благ. Такие блага не могут быть приобретены (как вещь) путем установления на них права собственности, а принадлежат человеку от рождения и являются неотчуждаемыми.

Рассмотрим правовой статус органов и тканей, изъятых из организма. В первую очередь, возникает вопрос, можно ли отнести такие объекты к вещам?

В доктрине отсутствует общепринятое и устоявшееся понятие «вещи», однако, тем не менее, можно проследить общие закономерности в позициях различных теоретиков. Цивилисты сходным образом указывают на основные признаки вещи: материальность (телесность), доступность и полезность. Данные характеристики вещи применимы только к самостоятельным органам и тканям человека, т.е. уже отделенными от него.

Признак доступности присущ тем или иным частям тела человека в различной степени. Донцов Д.С. предложил свою классификацию по данному критерию. Он выделил в первую группу такие органы и ткани, «при отделении которых либо не происходит каких-нибудь неблагоприятных изменений в организме человека (например, ногти, волосы, продукты выделения и т.д.), либо, если изменения происходят, то они носят временный характер и не имеют серьезных последствий для здоровья человека». Ко второй же группе он отнес такие «органы и ткани, изъятие которых либо невозможно вовсе, т.к. это неизбежно приведет к смерти человека, либо такое изъятие может быть чревато неблагоприятными для здоровья последстви-

ями»¹. Части тела, относящиеся к первой группе, можно причислить к полноценным оборотоспособным объектам без каких-либо ограничений. Остальные органы и ткани необходимо относить к объектам ограниченному, либо изъятым из оборота.

На наш взгляд, особое внимание заслуживает позиция Гамбарова Ю.С., заключающаяся в следующем: независимо от вещей, вообще недоступных для права, все остальные имеющиеся в природе вещи служат вещами в юридическом смысле не в том виде, как они существуют в природе, не в своих постоянно изменяющихся физических и химических свойствах, а в совокупности лишь тех отношений к ним человека, которые допускают юридическое обладание².

При рассмотрении органов и тканей человека как вещи необходимо определить, как применим к таким объектам институт права собственности. Части тела, не изъятые из организма, как мы уже выяснили ранее, не являются самостоятельными объектами прав. Данное положение подтверждается судебной практикой. Так, в Апелляционном определении Мосгорсуда от 16 сентября 2013 г. установлены следующие обстоятельства: истец обжаловала решение суда первой инстанции в той части, в которой оно признало законным изъятие Городской клинической больницы органов ее дочери без предварительного согласия. Она аргументировала это следующим: «Органы человека являются целой и неделимой частью самого человека, а в течение всей жизни человек имеет право как пользования, так и распоряжения своими органами, что является одним из квалифицирующих признаков собственности. Ввиду того, что человек является полноправным собственником своих органов, то в соответствии с действующим законодательством, а именно в соответствии

со ст.1110, 1112 ГК РФ истец, считая себя единственным наследником погибшей дочери, полагает, что ответчик, произведя трансплантацию органов, нарушил ее права как наследницы всего, чем владела погибшая».

С данными доводами судебная коллегия не согласилась, мотивировав это тем, что органы человека, которые имеются у него с момента рождения, действующее законодательство к вещам не относит, следовательно, они не могут входить в состав наследственной массы, в связи с чем, требования истца удовлетворению не подлежат³.

Однако такая позиция судебной коллегии в части непризнания органов человека вещами после его смерти представляется спорной, т.к. действующее законодательство фактически признает, что судьба частей тела человека может быть еще при жизни определена по усмотрению «правообладателя» (например, гражданин имеет право в любое время выразить свое волеизъявление о согласии или несогласии на изъятие органов и тканей из своего тела после смерти). Таким образом, вопрос, кому принадлежат права собственника, остается спорным.

Мы считаем, что прижизненно изъятые органы и ткани человека должны находиться в полном распоряжении и в соответствии с волеизъявлением их носителя. Мы полагаем, что таким гражданам должно быть предоставлено правомочие самостоятельно принимать решение, стать чьим-либо донором или нет. Закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека» устанавливает, что изъятие у живого донора органов допускается, если он находится с реципиентом в генетической связи. Поэтому законодательное дозволение только родственного прижизненного донорства нами рассматривается как умаление прав гражданина.

¹ Донцов Д.С. Органы и ткани человека как объекты вещного права в РФ // Медицинское право. 2009. № 2. С. 22.

² Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. СПб., 1911. С. 66.

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 16 сентября 2013 г. по делу № 11-27391 В удовлетворении требований о признании операции по изъятию органов незаконной, взыскании компенсации морального вреда отказано правомерно, т.к. на момент констатации биологической смерти и на момент непосредственно процедуры изъятия органов для трансплантации никто из близких родственников или законных представителей умершей не сообщил о несогласии умершей на посмертное изъятие органов

В российском законодательстве существует норма, вызывающая массу критики, а именно, презумпция согласия на изъятие органов и тканей человека. Ряд правоведов категорически относятся к такой презумпции. В частности, Бурков А.Л. в статье «Априори все мы доноры» пишет, что установленную законом презумпцию можно считать оправданной только в том случае, если в государстве будут работать инструменты получения предварительного согласия задолго до возникновения необходимости изъятия органов, т.к. на сегодняшний день в России полностью отсутствует институт получения предварительного согласия (отметка в водительском удостоверении, паспорте) и только в том случае, если будут надлежащим образом предприняты все разумные попытки выйти на контакт с родственниками погибшего для выяснения их воли о возможности изъятия.

И действительно, в действующем российском законодательстве имеют место указанные недостатки, однако нельзя не отметить, что, правотворческий процесс «не стоит на месте». Так, на сегодняшний день Министерством здравоохранения РФ разработан Проект ФЗ «О донорстве органов человека и их трансплантации», положения которого устраняют такие пробелы⁴. В ст.20 Проекта установлено, что волеизъявление совершеннолетнего дееспособного гражданина о несогласии на изъятие его органов после смерти в целях трансплантации, совершенное им в устной форме в присутствии свидетелей либо в письменном заявлении, заверенном в установленном законом порядке, фиксируется федеральным органом, осуществляющим ведение Федерального регистра, в целях его регистрации в Регистре волеизъявлений граждан. Кроме того, в любой момент гражданин вправе изменить волеизъявление, зафиксированное Регистром.

Однако в связи с разработкой данного Проекта возникают новые проблемы. В частности, возникает вопрос, будет ли

вновь созданный Регистр волеизъявлений граждан публичным реестром либо будет иметь закрытый или ограниченный характер? Если же такой Регистр будет открыт для всех граждан, то возникнет риск нарушения прав граждан на личную тайну, проявится заинтересованность нуждающихся реципиентов в «ресурсах» потенциальных доноров, изъявивших согласие на изъятие органов после смерти в целях трансплантации, в результате чего жизнь и здоровье таких доноров могут быть неоправданно поставлены под угрозу. Если же доступ к данному Регистру будет разрешен только для определенной категории лиц, то в таком случае непонятно, какова же процедура, основания и условия такого доступа к банку данных.

Положительным моментом является то обстоятельство, что названный Проект отвечает на вопрос, каков порядок действий медицинских учреждений в случае, если воля умершего гражданина не установлена вовсе: в случае смерти гражданина, не выразившего при жизни своего согласия или несогласия на изъятие его органов после смерти и отсутствие волеизъявления которого установлено медицинской организацией по данным Регистра волеизъявлений граждан, врач информирует об этом одного из близких родственников, который, в свою очередь, принимает окончательное решение. При невозможности (несмотря на предпринятые меры медицинскими работниками) связаться с родственниками умершего, медицинское учреждение имеет право признать умершего в качестве донора. Исходя из этого мы видим, что действующая презумпция сохраняется.

По общему правилу распоряжение личной собственностью допускается посредством совершения различных сделок. Что касается безвозмездных сделок в отношении спорных объектов, то Россия может перенять опыт США, где широко распространен институт «анатомического дарения».

⁴ Проект ФЗ «О донорстве органов человека и их трансплантации». Официальный сайт Министерства здравоохранения РФ: URL: <https://www.rosminzdrav.ru/documents/8145-proekt-federalnogo-zakona-o-donorstve-organov-cheloveka-i-ih-transplantatsii>.

Большинство норм гражданского права, регулирующие отношения дарения, могут быть в полной мере применены к безвозмездной добровольной передаче органов человека в пользу другого лица, но с учетом специфики такого рода правоотношений: должен быть учтен круг субъектов, имеющих право заключать договоры по отчуждению органов (донор, реципиент, медицинское учреждение), перечень объектов такого договора, условия заключения договора (например, наличие медицинских показаний).

Закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека» ограничивает куплю-продажу названных объектов. Однако, несмотря на запрет торговли органами и тканями человека, фактически их незаконное обращение приобретает предпринимательский характер.

В медицинском праве предлагается две модели договоров по отчуждению органов человека, один из которых оформляет отношения между донором и медицинским учреждением, обладающим соответствующими полномочиями, по поводу изъятия органа или ткани; другой вид договора предполагает вступление в правоотношения учреждения здравоохранения и реципиента с целью пересадки необходимого органа или тканей. Однако такие разновидности договора абсолютно не оформляют и не учитывают наличие правоотношений непосредственно между донором и реципиентом. Мы полагаем, что данное обстоятельство нельзя не принять во внимание, т.к. зачастую реципиенту безразлична личность предполагаемого донора, и наоборот.

Исходя из этого, представляется возможным сконструировать особую модель договора по отчуждению органов и тканей человека. В данном правоотношении могут состоять две стороны при одновременном наделинии третьего лица определенным набором прав и обязанностей в отношении со-

стоящих в договорных отношениях сторон. Например, заключаются два предложенных ранее договора между донором и медицинским учреждением, а также между реципиентом и медицинским учреждением. При этом донор (либо реципиент) наделяется правом требования пересадки органов или тканей человека в пользу указанного им лица, а также наделяется обязанностями по гарантированию добросовестного «исполнения обязательства» с целью обеспечения защищенности сторон.

Таким образом, полагаем необходимым пересмотреть нормы, регулирующие отношения в сфере трансплантации органов и тканей человека и придти к общим выводам: 1) не изъятые из организма органы и ткани человека (при жизни) полагаем необходимым признать неотъемлемым нематериальным благом; 2) прижизненно и по-смертно изъятые органы и ткани человека полагаем необходимым признать вещами в гражданско-правовом смысле, способными принадлежать правообладателю на праве собственности постольку, т.к. это не будет противоречить специальным нормативным правовым актам и существу такого объекта; 3) полагаем необходимым сохранить действующую «презумпцию согласия» при условии усовершенствования механизма получения волеизъявления граждан о согласии или несогласии на посмертную трансплантацию органов и тканей; 4) полагаем необходимым устранить недостатки, препятствующие гражданам выступать в качестве донора тех лиц, с которыми отсутствуют родственные связи; 5) полагаем необходимым легально закрепить возможность *безвозмездного* отчуждения органов и тканей человека в пользу других лиц; 6) предлагаем ввести новую конструкцию гражданско-правового договора, оформляющего отношения по поводу отчуждения органов и тканей человека.

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ КАК ОГРАНИЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА

Побирохина А.А.

студентка 3 курса Российского государственного университета правосудия

Свобода договора, как и любой основополагающий принцип гражданского законодательства, является неотъемлемой частью гражданского оборота, его базисом и некой гарантией стабильных, ранее согласованных отношений между сторонами.

Закрепление принципа свободы договора в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)¹, несмотря на определенную декларативность, указывает на основное, центральное положение данного принципа в системе обязательственного права наравне с общеотраслевыми принципами гражданского права, такими, например, как добросовестность.

Согласимся с мнением В.В. Кулакова, который указывает на некоторое противоречие между свободой договора и добросовестностью². Так, в пояснительной записке «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ говорится: «Мировой опыт показывает, что эффективное развитие рынка невозможно

без укрепления начал автономии воли и свободы договора участников оборота. Однако неограниченная свобода в достижении экономических интересов таит в себе возможность дестабилизации оборота. Правила о добросовестности являются естественным противовесом правилам, утверждающим свободу договора и автономию воли сторон».

Однако укажем на то, что принципы, закрепленные в одной статье, не могут противоречить друг другу, так как преследуют одну и ту же цель: обеспечение доступности вступления в гражданско-правовые отношения с другими субъектами, исключая возможность нарушения положений закона или договора⁴.

Соответственно, нормативное закрепление принципа добросовестности, как основного регулятора отношений между субъектами гражданско-правового оборота или, своего рода, «ограничителя» принципа свободы договора, позволит не только установить важнейшие ориентиры поведения субъектов права, но и более широко применять меры гражданско-правовой защиты в случаях недобросовестных действий участников оборота⁵.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016) // Российская газета. 1994. 08 декабря. № 238–239. СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Кулаков В.В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. СПС «КонсультантПлюс».

³ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Отметим, что согласно п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданского оборота презюмируется, следовательно, те положения, которые предусмотрены договором, изначально позиционируются как добросовестные, т.е. соответствующие фактическим обстоятельствам, при которых контрагент не знал и не должен был знать о неправомерных действиях другой стороны.

⁵ См.: Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Однако, как мы выяснили, свобода договора не может являться абсолютной категорией для сторон, так как в какой-либо мере она бы нарушала права и законные интересы одного из контрагентов. Согласимся с мнением И.Ф. Сябаревой, которая пишет: «Предусмотренная законом, но не возводимая в абсолют свобода развития договорных отношений имеет позитивное значение, так как позволяет исключить злоупотребление своим правом со стороны хозяйствующих субъектов»⁶.

Такой же позиции придерживаются и высшие судебные инстанции. Так, например, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) от 23.02.1999 № 4-П⁷ указано, что свобода договора, как конституционная гарантия свобод человека и гражданина, не является абсолютной, не должна приводить к отрицанию или умалению других общепризнанных прав и свобод, а также может быть ограничена федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, прав и законных интересов других лиц.

Также следует обратить внимание на устоявшуюся позицию Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ). Из ст. 421 ГК РФ видно, что свобода заключения договора предполагает взаимную добросовестность сторон, разумность и справедливость условий договора. Под свободой договора подразумевается, что стороны действуют по отношению друг к другу, основываясь на началах равенства и автономии воли, и определяют условия

договора самостоятельно в своих интересах. Однако это не означает, что при заключении договора они могут действовать и осуществлять права по своему усмотрению без учета прав других лиц (контрагентов), а также ограничений, установленных Гражданским кодексом РФ и другими законами⁸.

Концептуальным моментом является то, что, как и любой принцип, свобода договора имеет пределы практического применения. Одним из таких ограничений является институт недействительности сделок.

Обратим внимание на ст.ст. 178 и 179 ГК РФ, в которых говорится о кабальных сделках. Президиум ВАС РФ в п. 9 Информационного письма от 10.12.2013 № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации»⁹ указал на один из признаков кабальной сделки: сделка, совершенная под влиянием обмана, может быть признана недействительной только если обстоятельства, относительно которых потерпевший был обманут, находятся в причинной связи с его решением о заключении сделки. В научной литературе также выделяются схожие мнения о признаках кабальности.

Так, например, Е.В. Шестакова¹⁰ выделяет следующие условия, в соответствии с которыми сделку можно признать кабальной:

- 1) сделка совершена потерпевшим лицом;
- 2) сделка совершена на крайне невыгодных для него условиях;
- 3) сделка совершена вынужденно, т. е. вследствие стечения тяжелых обстоятельств, а другая сторона в сделке сознательно использовала эти обстоятельства.

⁶ Сябарева И.Ф. Реализация принципа свободы договора и его ограничение при осуществлении экономической деятельности образовательными организациями // Юрист. 2015. № 4. С. 36.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» // Российская газета. 1999. 03 марта. № 40.

⁸ Постановление Президиума ВАС РФ от 12.07.2011 № 17389/10 по делу № А28–732/2010–31/18 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11.

⁹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 2.

¹⁰ Шестакова Е.В. Принцип свободы договора и кабальные сделки // Юрист. 2015. № 4. СПС «Консультант-Плюс».

К следующему ограничению принципа свободы договора следует отнести указанную в проекте Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»¹¹ оговорку о возможности обеспечения исполнения недействительной сделки.

Так, в п. 78 проекта говорится о том, что соглашением сторон может быть предусмотрена неустойка на случай неисполнения обязанности по возврату имущества, полученного по недействительной сделке, то есть в том случае, если контрагент вовремя надлежащим образом не произведет реституцию.

Следует сказать о том, что введение данного положения будет способствовать более тщательному и внимательному подходу к заключению договора и надлежащему исполнению обязательств. В качестве примера можно привести постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.03.2013 по делу № А08–4520/2012¹² о признании недействительным договора поручительства.

В соответствии с договором поручительства поручитель принял на себя обя-

зательство отвечать перед кредитором за надлежащее исполнение заемщиком своих обязательств по договору займа, в том числе в договоре было отмечено положение об уплате заемщиком кредитором суммы неустойки за неисполнение и/или ненадлежащее исполнение заемщиком своих обязательств по возврату всего полученного по договору займа, возмещение расходов, издержек и убытков. Следовательно, исходя из презюмируемого принципа свободы договора контрагенты вправе выбирать условия заключения договора, в том числе положения об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств.

В заключение следует сказать о том, что ограничение свободы договора положениями о недействительности сделок является классическим примером защиты одной стороны обязательств от неправомерных действий другой. Применение неустойки за нарушение правил о реституции по новым положениям проекта Постановления Пленума Верховного Суда РФ об ответственности являются не только следствием ограничения свободы договора, но и обеспечением исполнения обязанности по возврату предоставленного по недействительной сделке.

¹¹ Проект Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.03.2013 по делу № А08–4520/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

ПОТРЕБИТЕЛИ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Поляков А.В.

студент 4 курса Российского государственного университета правосудия

Законодательство о защите прав потребителей устанавливает права на «приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях (исполнителях, продавцах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов»¹. Однако, вступая во внешне-потребительские отношения, граждане далеко не всегда получают защиту, на которую они рассчитывали, поскольку «внешность» таких отношений может совершенно не отражать их юридическую действительность. Описанная ситуация имеет место при приобретении программного обеспечения для персонального компьютера, а равно любой иной электронной вычислительной машины.

Корень проблемы кроется в том, что, «покупая» программу в магазине, граждане ее вовсе не покупают. Безусловно, приобретение диска с ней осуществляется на основании договора розничной купли-продажи, но, чтобы пользоваться самой программой, необходимо принять условия так называемого лицензионного соглашения, которое заключается не с продавцом в магазине, а непосредственно с правообладателем. В результате такого акцепта у гражданина

появляется право использовать программу², однако права собственности на нее он не приобретает, что говорит об отсутствии здесь купли-продажи. Нельзя также говорить об отношениях по поводу возмездного оказания услуг или подряда, так как предполагаемый исполнитель не предпринимает по заказу потребителя никаких действий или комплекса действий³.

Тем не менее отношения по поводу массового распространения программ для ЭВМ имеют черты, которые делают их крайне схожими с потребительскими. Одна из таких черт заключается в субъектном составе: лицензиаром на практике является лицо, осуществляющее предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, в то время как лицензиата представляют граждане, желающие получить право использовать программное обеспечение исключительно для личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. В качестве иллюстрации целесообразно рассмотреть крупнейших производителей антивирусного программного обеспечения в России: АО «Лаборатория Касперского»⁴ или ООО «Доктор Веб»⁵.

Все это коммерческие юридические лица, которые занимаются распространением программного обеспечения в том числе «для

¹ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», преамбула // СЗ РФ. 1996. 15.01. № 3. Ст. 140.

² Гражданский кодекс (часть 4), п. 1 ст. 1235 // СЗ РФ. 2006. 25.12. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», п. «в» и п. «г» ч. 3.

⁴ Интернет-сайт АО «Лаборатория Касперского»: http://media.kaspersky.com/ru/about/certificates/gos/%D0%A4%D0%A1%D0%91_WWS_B2_%D0%932.pdf?_ga=1.68371219.382369436.1458219219.

⁵ Интернет-сайт ООО «Доктор Веб»: http://st.drweb.com/static/new-www/files/FSTЕК_1280_17.11.10.jpg

⁶ Интернет-сайт компании 1С: <http://www.1c.ru/rus/firm1c/firm1c.htm>

массового пользователя»⁶, цели приобретения у которого далеки от коммерческих. Другой характерной особенностью отношений по поводу массового распространения программ для ЭВМ является фактическая невозможность отказа в лицензировании. На практике это выглядит как необходимая к принятию для использования программы оферта, появляющаяся на мониторе пользователя под заголовком «лицензионное соглашение». Акцепт происходит в момент нажатия клавиши, обозначающей согласие с условиями, в результате чего правообладатель фактически заключает договор с каждым обратившимся и принявшим единые в силу массовости распространения условия, что соответствует понятию публичной оферты⁷. Иными словами, простая (неисключительная) лицензия в данных отношениях обладает признаками, которые позволяют характеризовать ее как публичный договор.

Институт защиты прав потребителей, появившийся в результате социализации гражданского права⁸, имеет своей целью, как нетрудно догадаться, защиту прав потребителя — слабой стороны в данном обязательстве. Именно поэтому невозможно говорить о необходимости защиты прав потребителя при отсутствии слабой стороны. Легального определения этого понятия нет, однако доктрина выработала сравнительно стабильный перечень признаков, ему присущих. Так Д.В. Славецкий определяет слабую сторону как «субъект договорных отношений, чьи фактические возможности по заключению договора, формированию условий договора уступают возможностям его контрагента в связи с повышенной заинтересованностью в заключении договора, либо в связи с отсутствием достаточной информации относительно предмета деятельности контрагента по договору, предлагаемых товаров и услуг или относительно установленных прав, обязанностей и ответ-

ственности субъектов договорных отношений, либо в связи с необдуманностью решения по заключению договора, принятого в условиях, очевидно способствующих принятию необдуманного решения и позволяющих утверждать об отсутствии соответствия воли субъекта, принявшего решение, его волеизъявлению»⁹, отмечая при этом, что названные причины указанного ограничения возможности (которые он и называет признаками) могут присутствовать «все вместе, по одному или в различных комбинациях»¹⁰.

В рассматриваемых отношениях наличие сложности лицензиата в согласовании условий договора простой (неисключительной) лицензии продиктованы спецификой практики его заключения: правообладатели встраивают условия соглашения в программы, а ознакомление потенциального пользователя с ними (а равно принятие этих условий) происходит непосредственно перед ее установкой. В результате этого единственным выходом указываемого контрагента при несогласии с положениями «лицензионного соглашения» является отказ от заключения договора, поскольку повлиять на них не представляется возможным.

Говоря о причинах таких затруднений в свете вышеуказанной позиции Д.В. Славецкого, наиболее близкими к существу описываемых отношений можно назвать повышенную заинтересованность потенциального лицензиата в заключении договора по сравнению с лицензиаром и отсутствие достаточной информации относительно установленных прав, обязанностей и ответственности субъектов договорных отношений. Первая причина проявляется в том, предоставление денежных средств предшествует акцепту условий лицензионного договора, поэтому сторона, совершившая предоставление, заинтересована в его заключении значительно больше. Вторая причина имеет место в силу специфики права

⁷ Гражданский кодекс РФ (часть 1), п. 2 ст. 437 // СЗ РФ. 1994. 05.12. № 32. Ст. 3301.

⁸ Славецкий Д.В. Принцип защиты слабой стороны гражданско-правового договора. Самара, 2004.

⁹ Славецкий Д.В. Принцип защиты слабой стороны гражданско-правового договора. Самара, 2004.

¹⁰ Там же.

интеллектуальной собственности как области знания, сложной для понимания обычными гражданами. Иными словами, граждане не знают, где реально заканчивается защита их потребительских прав и за что конкретно отвечает их контрагент. Указанные причины порождают ситуацию, когда права граждан вовсе не защищаются, потому что, столкнувшись с неполадками в программном обеспечении, они часто не могут ни связаться с правообладателями, ни привлечь к ответственности тех, у кого они приобрели экземпляр программы для ЭВМ.

Вопреки положениям гражданского законодательства, но руководствуясь потребностью потребителей, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении указал, что «требования граждан к качеству программного обеспечения, используемого в технически сложном товаре (например, к операционной системе, которая служит для обеспечения его функционирования), должны рассматриваться как требования к качеству товара в целом с учетом его потребительских свойств»¹¹. Данное положение не только демонстрирует признание факта родства и неразрывной связи товара-носителя и программы на нем, но и косвенно указывает на то, какое лицо должно отвечать перед гражданами за качество программ для ЭВМ — не правообладатель, а лицо, у которого потребитель приобрел экземпляр программы (в данном случае, как часть технически сложного товара). Применение такого подхода ко всей системе массового распространения программ для ЭВМ и признание приобретателей потребителями способствовало бы повышению уровня их защищенности как в результате обретения повышенных гарантий, так и вследствие достижения реальной возможности привлечения другой стороны к ответственности.

Справедливым в таких условиях будет вопрос о том, не повлекут ли описанные изменения нарушение гражданского оборота

в этой сфере. Распространение защиты прав потребителя на указанные отношения предполагает повышение требований как к лицензиарам, реализующим через сайты в сети «Интернет» свои программы, так и к иным распространителям, что может негативно сказаться на рынке в целом. Однако практике известны случаи, когда правообладатели и иные распространители по собственной инициативе предлагали своим контрагентам повышенные гарантии, которые имеют схожие черты с теми, что указаны в Законе РФ «О защите прав потребителей». Наиболее известной из них сегодня является американская компания Valve Corporation, которая в своей сети распространения программного обеспечения «Steam» предлагает возратить потраченные на компьютерные игры средства в течение четырнадцати дней при условии использования программы в течение менее двух часов¹². К сожалению, подобную инициативу от российских компаний обнаружить не удалось.

Признание статуса потребителя за гражданами-лицензиатами, приобретающими в некоммерческих целях программы для ЭВМ, несомненно, означало бы кардинальное изменение гражданского законодательства, вопрос о своевременности которого является дискуссионным. Однако тот факт, что между этими гражданами и правообладателями нет юридического равенства, что первые фактически являются слабой стороной в указанном обязательстве, сигнализирует о небезосновательности такого изменения. Практика заключения лицензионных соглашений позволяет уверенно говорить об их схожести до степени смешения с публичными договорами. В совокупности все вышеперечисленное указывает на возможность и закономерность таких преобразований в будущем, а частота кардинальных изменений в гражданском законодательстве наводит на мысль, что вероятность скорого наступления такого будущего не так мала, как кажется.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета. 2012. 11 июля. № 156.

¹² Интернет-сайт сети «Steam»: http://store.steampowered.com/steam_refunds/?l=russian

СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПА НЕДОПУСТИМОСТИ ОДНОСТОРОННЕГО ОТКАЗА И СУЩЕСТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Саркисян О.В.

студент 4 курса Российского государственного университета правосудия

По общему правилу расторжение или изменение договора осуществляется по соглашению сторон или по суду, однако законодатель предусмотрел случаи, в которых стороны могут односторонним волеизъявлением прекратить или изменить обязательственные отношения. Односторонний отказ является исключением из принципа недопустимости одностороннего отказа и предусматривает возможность в одностороннем порядке расторгнуть/изменить договор в определенных случаях. Институт существенного изменения обстоятельств весьма схож с вышеупомянутым, но отличается по своей сущности и основаниям применения. Интересным является вопрос соотношения принципа недопустимости одностороннего отказа и существенного изменения обстоятельств, поскольку последний не является исключением из принципа недопустимости одностороннего отказа, но и применяется в исключительно иных ситуациях.

Одним из основополагающих принципов обязательственного права является принцип недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства, который закреплен в ст.310 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее — ГК РФ)¹. При этом в п. 1 ст. 310 конкретизируется содержание данного принципа: «Односторонний отказ от исполнения

обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом, другими законами или иными правовыми актами». Таким образом, представляется, что односторонний отказ включает в себя два таких понятия, как: 1) односторонний отказ от исполнения обязательства, 2) одностороннее изменение условий обязательства. Необходимо отметить, что изменение или расторжение договора по требованию одной из сторон по общему правилу не допускается и противоречит основополагающему принципу «недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства»². Принцип недопустимости одностороннего отказа является одним из основных принципов обязательственного права, обеспечивающих стабильность экономического оборота, защиту прав и интересов его участников и при этом вытекает из ряда других схожих принципов, таких как: «принцип неизменности обязательства»³, «нерасторжимости договора» и «принципа стабильности обязательств».

Так, А.В. Степанченко пишет, что одной из правовых мер обеспечения стабильности гражданского оборота в целом и иностранной валюты в частности является соблюдение принципа недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства⁴. Более

¹ СЗ РФ. 1994. 05.12. № 32. Ст. 3301.

² Егорова М.А. Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2010.

³ Оболонкова Е.В. Односторонний отказ от исполнения обязательства: научно-практическое исследование. М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010.

того, данный принцип направлен на поддержание и обеспечение принципа «реального исполнения» обязательств, так как основной формой удовлетворения кредитора является понуждение должника к исполнению своего обязательства в натуре⁵. По мнению И.Б. Новицкого и Л.А. Лунца, присуждение же кредитору денежной компенсации взамен реального исполнения (денежное возмещение убытков, возникших вследствие неисполнения) рассматривается в гражданском праве как крайняя мера, к которой суд должен прибегать лишь в случае невозможности исполнения в натуре⁶. Более того, недопустимость одностороннего отступления от обязательства представляет собой необходимое условие его надлежащего исполнения, поскольку стабильность обязательств выражает постоянство их содержания, а именно недопустимость его одностороннего изменения вне зависимости от того, установлены права и обязанности сторон законом или соглашением сторон. Принцип стабильности связывает и должника, и кредитора: не только должник не вправе отказаться от исполнения лежащей на нем обязанности, но и кредитор — от принятия предложенного ему надлежащего исполнения (п. 1 ст. 406 ГК РФ)⁷.

О.С. Иоффе также указывал, что прекращение обязательств возможно путем одностороннего расторжения обязательства, допускающее их прекращение посредством одностороннего действия⁸. При этом не происходит замены первоначального предоставления каким-либо иным, что присуще таким способам прекращения обязательства, как новация, предоставление отступного, а также зачет⁹. По мнению указанного автора,

осуществляя право на односторонний отказ, управомоченная сторона по собственному усмотрению, без учета мнения адресата отказа, прекращает обязательство, а другая сторона вынуждена претерпевать такой отказ. В этой ситуации отношения участников обязательства прерываются и цель, которая была поставлена при его возникновении, достигнута быть не может, т.е. в данном случае обязательство прекращается способом, отличным от его осуществления¹⁰. Необходимость таких исключений, в частности, может быть вызвана защитой интересов добросовестного участника обязательства при его наиболее существенных нарушениях другой стороной; стремлением предотвратить экономические потери, которые могут возникнуть у одной из сторон обязательства в случае дальнейшего сохранения обязательственных отношений — при условии незначительности потерь для другой стороны обязательства, а также иными обстоятельствами, при которых досрочное прекращение обязательства по воле одного из участников будет более предпочтительным, чем сохранение обязательства неизменным¹¹.

Как указывает М.И. Брагинский, «принцип нерасторжимости договора» рассчитан на все обязательства как таковые независимо от того, возникли ли они из договора или иного, недоговорного основания¹². В соответствии с действующим ГК в случае, если это допускается законом или соглашением сторон, односторонний отказ от исполнения договора полностью или частично приводит к тому, что договор считается соответственно измененным или расторгнутым. Так, в силу п. 2 ст. 610 ГК РФ в договоре аренды,

⁴ Актуальные проблемы частного права: сборник статей к юбилею Павла Владимировича Крашенинникова: Москва — Екатеринбург, 21 июня 2014 г. / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; отв. ред. Б.М. Гонгало, В.С. Ем. М.: Статут, 2014.

⁵ Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 412.

⁶ Там же.

⁷ Егорова М.А. Указ. соч.

⁸ Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 185.

⁹ Оболонкова Е.В. Указ. соч.

¹⁰ Иоффе О.С. Указ. соч. С. 185.

¹¹ Оболонкова Е.В. Указ. соч.

¹² Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. С. 435.

заключенном на неопределенный срок, каждая из сторон вправе в любое время отказаться от договора, предупредив об этом контрагента в установленный ГК РФ срок.

Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами противоположен принципу диспозитивности, поскольку устанавливает для него пределы и является в некоторой степени санкцией за превышение диспозитивности, ведь если управомоченная сторона договора нарушит права контрагента, то последуют неблагоприятные последствия, которые входят в содержание принципа недопустимости злоупотребления гражданскими правами, например, отказ в защите права. В этом состоит диалектическая сущность взаимосвязи правовых стимулов и ограничений при одностороннем отказе от исполнения договора¹³.

Случаи, в которых возможно отклонение от принципа недопустимости одностороннего отказа, предусмотрены ГК РФ, другими законами или иными правовыми актами. Положения ГК РФ, другие законы и правовые акты предоставляют сторонам возможность одностороннего отказа только в соответствии и на основании указанных нормативных правовых актов. Однако п. 2 ст. 310 ГК РФ предоставляет более широкое право на односторонний отказ в рамках обязательства, связанного с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, поскольку такие субъекты могут предусмотреть односторонний отказ в самом договоре. При этом абз. 2 п. 2 ст. 310 ГК РФ содержит важное замечание, направленное на защиту слабой стороны (непредпринимателя/потребителя): «В случае, если исполнение обязательства связано с осуществлением предпринимательской деятельности не всеми его сторонами, право на одностороннее изменение его условий или отказ от исполнения обязательства может быть предоставлено договором лишь стороне, не осуществляющей предпринимательской деятельности, за исключением случаев, когда законом или иным правовым актом предусмотрена воз-

можность предоставления договором такого права другой стороне».

Однако следует подчеркнуть, что даже если сам закон предусматривает возможность одностороннего отказа от исполнения, как, например, в договоре возмездного оказания услуг (ст. 782 ГК РФ), то такой отказ недопустим, в случае если договор является публичным. Такую позицию подтвердил КС РФ, указав: «Обязательность заключения публичного договора, каковым является договор о предоставлении платных медицинских услуг, при наличии возможности предоставить соответствующие услуги означает **недопустимость одностороннего отказа исполнителя от исполнения обязательств по договору**, если у него имеется возможность исполнить свои обязательства (предоставить лицу соответствующие услуги), поскольку в противном случае требование закона об обязательном заключении договора лишилось бы какого бы то ни было смысла и правового значения. Иное, т.е. признание права медицинского учреждения на односторонний отказ от исполнения обязательств, при том что у него имеется возможность оказать соответствующие услуги, не только приводило бы к неправомерному ограничению конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь, но и означало бы чрезмерное **ограничение (умаление) конституционной свободы договора для гражданина**, заключающего договор об оказании медицинских услуг, создавало бы неравенство, недопустимое с точки зрения требования справедливости, и, следовательно, нарушало бы предписания статей 34, 35 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации»¹⁴.

Интересным с практической точки зрения представляется вопрос о соотношении принципа недопустимости одностороннего отказа (ст. 310) и института существенного изменения обстоятельств (ст. 451), поскольку указанные институты нетождественны и применяются по различным основаниям. При этом основания для одностороннего

¹³ Егорова М.А. указ. соч.

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2002 № 115-О // СПС «КонсультантПлюс».

отказа, предусмотренные ГК РФ, законами и иными правовыми актами, являются весьма понятными, четко сформулированными и не вызывают разногласий при их применении, так как возникают в рамках обычных условий гражданского оборота.

В свою очередь институт существенного изменения обстоятельств носит весьма оценочный характер и вызывает ряд сложностей при применении. Так, при расторжении или изменении договора в связи с существенным изменением обстоятельств (ст. 451) судам в каждом конкретном случае необходимо определить: 1) наличие существенного изменения обстоятельств; 2) время его наступления; 3) возможность разумно предвидеть это изменение¹⁵. При этом у судов сложилась целая практика по поводу того, какие события (случаи) следует признавать существенным изменением обстоятельств, а какие — нет. И только лишь при недостижении соглашения с контрагентом по поводу изменения или расторжения договора и при наличии всех необходимых условий, предусмотренных п. 2 ст. 451 ГК РФ, сторона вправе потребовать в суде расторгнуть либо изменить договор¹⁶.

Институт существенного изменения обстоятельств, позволяющий стороне договора расторгнуть или изменить его, служит важным инструментом регулирования и поддержания баланса интересов и равенства сторон. При этом такой институт не применялся в советское время, поскольку плановая экономика не предусматривала каких-либо кризисов и инфляций. Так, во время войны в судебной и арбитражной практике неоднократно ставился вопрос о том, как влияет общее изменение условий на ранее заключенные обстоятельства, если в результате этих изме-

нений исполнение сделалось для должника более обременительным. В некоторых случаях должники, ссылаясь на обстоятельства военного времени, на изменения условий, ставили вопрос о том, не являются ли такие изменения основанием для прекращения обязательств¹⁷. Считалось, что «война сама по себе обязывала каждого гражданина, каждую советскую организацию к всемерному напряжению своих сил с целью укрепления экономики нашей Родины, с целью укрепления правовых устоев Советского государства»¹⁸.

По мнению И.Б. Новицкого и Л.А. Лунца, принцип «верности договору» имел в то время твердую экономическую базу, поскольку в условиях социалистического планового хозяйства исключалась возможность экономических кризисов¹⁹. Далее авторы замечают, что всякого рода изменения утвержденных цен, произведенные в установленном порядке в течение срока действия обязательства поставки товаров, не являются обстоятельством, освобождающим от обязанности удовлетворения по обязательству. Повышение цен не дает права покупателю отказаться от принятия и оплаты товара.

Тем более строго относится советское право к отдельным случаям расхлябанности и недисциплинированности, выражающимся в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств под предлогом изменившихся обстоятельств²⁰. Данное положение частично соотносится и с современными положениями ст. 451 ГК РФ, исходя из которой суды не рассматривают в качестве существенного изменения обстоятельств — финансовые кризисы, изменение экономической ситуации, выражающейся в росте цен, тарифов и инфляции²¹.

¹⁵ Определение Верховного Суда РФ от 30.07.2013 № 18-КГ13-70//СПС «КонсультантПлюс»

¹⁶ Постановление Президиума ВАС РФ от 14.10.2008 № 5934/08 по делу N А40-34754/07-53-320 //СПС «КонсультантПлюс»

¹⁷ Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Указ. соч. С. 412.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 13.04.2010 № 1074/10 по делу N А40-90259/08-28-767//СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Президиума ВАС РФ от 07.08.2001 № 4876/01//СПС «КонсультантПлюс»

Таким образом, институт существенного изменения обстоятельств не имел применения в Советском Союзе, однако в Германии Рейхсгерихт уже к концу первой мировой войны вводит в практику доктрину о «неизменности обстоятельств» как предпосылке будто бы всякого договора. Эта практика, противоречившая закону, вытеснила принцип строгого соблюдения договоров и привела к судейскому произволу. Французские гражданские суды допускали применение оговорки о неизменных условиях в пределах, установленных специальными законами. Сюда относится закон 1918 г. о праве должника по торговой сделке отступить от исполнения или отсрочить исполнение, если будет доказано, что вследствие войны выполнение договорных условий стало более обременительным, чем это можно было предвидеть при заключении договора²².

ГК РФ, как неоднократно упоминалось, также содержит положения, позволяющие сторонам договора расторгнуть или изменить договор при существенном изменении обстоятельств. Изменение обстоятельств признается существенным при одновременном наличии условий из закрытого перечня, приведенного в п. 2 ст. 451 ГК РФ. Далеко не во всех случаях ставшее экономически невыгодным исполнение договора будет служить основанием для его расторжения в судебном порядке. Перечень указанных условий, при одновременном наличии которых договор может быть расторгнут, свидетельствует **о приоритете защиты стабильности исполнения договорных обязательств.**

Следует отметить, что исключительный характер освобождения от договорных обязательств имел место и в дореволюционном праве. Так, В.К. Победоносцев отмечал: «Понятие о вине и ответственность за неисполнение устраняются, когда причиной невыполнения было обстоятельство внешнее, не зависевшее от личной воли и сделавшее

исполнение физически или юридически невозможным... Разумеется, такая невозможность должна относиться к предмету исполнения (должна быть объективная), а не к личным только обстоятельствам обязанного...»²³. В то же время В.К. Победоносцев обращает внимание на необходимость справедливого применения правил об освобождении сторон договора от взятых на себя обязательств вследствие влияния внешних обстоятельств. Изменение обстоятельств признается существенным, когда они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях.

Такое обстоятельство имеет характер рисковости, когда стороны не предвидели и не могли предвидеть, и в таком случае при оценке того или иного события в качестве такого обстоятельства возможно руководствоваться правилами о страховом риске, поскольку их природа одинакова²⁴. Как пишет В.В. Кулаков, «при наличии условий, предусмотренных п. 2 ст. 451 ГК РФ, стороны вправе требовать в суде расторжения договора и лишь при наличии исключительных случаев, перечисленных в п. 4 ст. 451 ГК РФ, его изменения». Как указал Арбитражный суд Свердловской области от 21 мая 2010 г. по делу № А60-2734/2010-С1, иное противоречило бы принципам гражданского права — свободе волеизъявления сторон при установлении договорных отношений и равенству участников регулируемых гражданским законодательством отношений. В противном случае суду пришлось бы формулировать новые условия договора помимо воли одного из контрагентов, что нарушало бы его имущественные интересы.

Таким образом, по общему правилу при форс-мажоре (существенном изменении

²² Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Указ. соч. С. 412.

²³ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. В 3-х т. / Под ред. В.А. Томсинова. Т. 3. М., 2010. С. 150.

²⁴ Кулаков В.В. Прекращение обязательств по гражданскому законодательству России: Монография. М.: РГУП, 2015 //URL:<http://op.raj.ru> (дата обращения — 30.05.2016).

обстоятельств) действует презумпция «прекращения (расторжения) договора» при отсутствии исключительных случаев, позволяющих его изменить. Поэтому для защиты слабой стороны суд при наличии таких исключительных случаев принудительно изменяет договор, а не расторгает. Например, целесообразно и разумно изменение договора кредита в части валюты платежа в случае увеличения в разы курса, нежели его расторжение. В данном случае расторжение договора повлекло бы для должника большой ущерб, значительно превышающий затраты при исполнении измененного договора²⁵.

По мнению М.А. Егоровой, односторонний отказ от исполнения обязательств схож с институтом изменений и расторжения договора при существенном изменении обстоятельств, но при этом они различны²⁶. Это выражается как в последствиях, так и в самой сущности двух институтов. Отличие двух рассматриваемых возможностей изменения или расторжения договора состоит в том, что при отказе от исполнения договора необходимо и достаточно лишь воли заинтересованной в таком отказе стороны, в то время как при расторжении или изменении договора при существенном изменении обстоятельств существуют два вида возможностей развития событий: стороны могут достичь соглашения о приведении договора в соответствие с изменившимися обстоятельствами либо договор может быть расторгнут, а по основаниям, предусмотренным п. 4 ст. 451 ГК РФ, изменен судом по требованию заинтересованной стороны при наличии определенных условий, установленных законом (пп. 1–4 п. 2 ст. 451 ГК РФ). Таким образом, главное отличие отказа от исполнения договора от существенного изменения обстоятельств состоит в том, что договор может быть расторгнут заинтересованной стороной

в одностороннем порядке без согласования с контрагентом и без обращения в судебные инстанции²⁷.

Делая вывод, следует заметить следующее: односторонний отказ применяется в 3 случаях: 1) санкция за нарушение договора, 2) характер правоотношения (например, бессрочный), 3) защита слабой стороны. Односторонний отказ от исполнения обязательства, являясь сделкой²⁸, является также исключением из принципа недопустимости одностороннего отказа, в отличие от существенного изменения условий обстоятельств. Институт существенного изменения обстоятельств наоборот устанавливает необходимость согласования сторонами расторжения или изменения условий обязательства, **что обеспечивает соблюдение принципа недопустимости одностороннего отказа**. Таким образом, если договор будет расторгнут или же изменен — это произойдет не в одностороннем порядке, а по соглашению сторон. И лишь при недостижении такого соглашения заинтересованная сторона вправе требовать в суде изменения или расторжения договора. При этом право расторгнуть или изменить договор принадлежит только суду.

Обладая такой дискрецией суд, не обнаружив достаточных оснований или при недоказанности совокупности условий, предусмотренных ст. 451 ГК РФ, вправе отказать заявителю в изменении или расторжении договора, тем самым сохранив обязательство в силе и не допустив одностороннее изменение. Если же все-таки будет установлено наличие существенного изменения обстоятельств, то суд по общему правилу расторгает, а в исключительных случаях изменяет договор в целях обеспечения баланса интересов сторон, защиты свободы волеизъявления и равенства участников отношений.

²⁵ Кулаков В.В. Указ. соч.

²⁶ Егорова М.А. Указ. соч.

²⁷ Там же.

²⁸ Пункт 50 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ ПРИНЦИПА СОРАЗМЕРНОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ПРИ ПРИЗНАНИИ СДЕЛКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ

Захаров Н.О.

аспирант кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

Ограничение субъективных прав и свобод человека и гражданина как правовое явление основано на ряде императивных требований, одним из которых является требование соразмерности применяемых ограничений тем целям, достижение которых требует таких ограничений.

Важнейший характер данного требования позволяет отдельным исследователям, например, профессору Г.А. Гаджиеву, рассматривать его как «конституционный принцип рыночной экономики», а также как «важный элемент в концепции правового государства»¹.

Европейским судом по правам человека принцип соразмерности выводится из фундаментального требования к ограничению прав, которое заключается в том, что оно «должно быть необходимым в экономическом обществе». В ряде своих дел Суд дал толкование данному конвенционному требованию, указав, в частности, что ограничения допустимы при наличии «явной социальной необходимости» и с соблюдением

требований «соразмерности ограничений преследуемой цели»². Схожие исходные позиции демонстрирует и Конституционный Суд РФ, указывая, в частности, что ограничения должны быть «соразмерны конституционно значимым целям»³, а также отвечать «требованиям справедливости» и являться «адекватными, пропорциональными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей»⁴.

Одним из частных случаев ограничения гражданских прав и свобод является признание сделки недействительной либо применение последствий недействительности ничтожной сделки. Являются ли ограничения, которые претерпевают участники гражданского оборота в результате применения данных гражданско-правовых механизмов, действительно пропорциональными, соответствуют ли они принципу соразмерности ограничения субъективных прав и свобод? Как представляется, на такой вопрос не всегда возможно ответить однозначно.

¹ См.: Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М.: Юрист, 2002.

² Contreras P. National Discretion and International Deference in the Restriction of Human Rights: A Comparison Between the Jurisprudence of the European and the Inter-American Court of Human Rights // Northwestern Journal of International Human Rights. 2012. С. 42–43 Режим доступа: <http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1155&context=njihr> (дата обращения: 13.11.2015).

³ Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 1975-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Махалина Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью второй статьи 6 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей — седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Махина» // СПС «КонсультантПлюс».

ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁵ предусматривает особое, неизвестное другим нормативным правовым актам обязательное требование к признанию недействительными сделок, направленных на размывание конкурсной массы (подозрительные сделки, ст. 61.2) — такая сделка не может быть признана недействительной в том случае, если по ней предоставлено равноценное встречное предоставление.

На первый взгляд может показаться, что требование равноценности встречного предоставления может быть связано лишь с необходимостью обеспечить в конкурсной массе наличие достаточного количества активов, при этом их объективная форма не имеет значения — например, недвижимое имущество (в том числе принудительно возвращаемое в конкурсную массу) в дальнейшем в большинстве случаев будет конвертировано в денежные средства для распределения среди кредиторов. Возвращение именно того имущества, которое было неравноценно продано в предбанкротном состоянии продавца, не является целью признания подозрительной сделки недействительной — такой целью является лишь увеличение объемов конкурсной массы, вне зависимости от объективной формы составляющих ее активов.

Между тем это специфическое требование Закона о банкротстве позволяет увидеть еще одну принципиальную составляющую — поскольку признание сделки недействительной влечет за собой неизбежное ограничение гражданских прав и свобод участника сделки, требование о неравноценности встречного предоставления как обязательное условие такой недействительности направлено и на недопущение чрезмерного вмешательства в гражданские права и свободы такого участника. В самом деле, в том

случае, если приобретатель по сделке внес среднерыночное встречное предоставление (а покупатель, таким образом, получил эквивалентный проданному актив), признание такой сделки недействительной будет, как кажется, влечь явное умаление прав второй стороны сделки, поскольку такое вмешательство будет явно несоразмерно преследуемым целям защиты прав другой стороны. Получение равноценного встречного предоставления говорит (по крайней мере, по умолчанию) об отсутствии нарушения прав первого участника сделки (получившего эквивалентный актив), и, таким образом, об отсутствии необходимости для такого ограничения гражданских прав и свобод второго участника, как признание сделки недействительной. Как это было указано выше, признание сделки недействительной в таком случае будет влечь умаление прав стороны сделки, поскольку факт равноценного встречного предоставления в большинстве случаев говорит об отсутствии необходимости такого вмешательства.

В пользу позиции о необходимости учета размера встречного предоставления при разрешении вопросов, связанных с порочными сделками, говорит и то, что отдельные исследователи рассматривают недействительные сделки как правонарушения. Так, утверждается, что «недействительная сделка — это *неправомерное действие*»⁶, «некоторые цивилисты считают недействительную сделку *действием неправомерным*»⁷, «недействительная сделка *рассматривается в доктрине как правонарушение*»⁸. Соответственно, признание оспоримой сделки недействительной или применение последствий недействительности является своеобразной санкцией за такое правонарушение или неправомерное поведение, которая приводит к ограни-

⁵ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О несостоятельности (банкротстве)» // Парламентская газета. 2002. 02 ноября. № 209–210.

⁶ Агешкина Н.А., Баринов Н.А., Бевзюк Е.А., Беляев М.А., Бирюкова Т.А., Вахрушева Ю.Н., Гришина Я.С., Закиров Р.Ю., Кожевников О.А., Копьев А.В., Кухаренко Т.А., Морозов А.П., Морозов С.Ю., Серебренников М.М., Шадрин Е.Г., Юдина А.Б. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс», 2014.

⁷ Кабанова И.Е. Гражданско-правовые последствия коррупционного поведения // Юрист. 2014. № 6. С. 27.

⁸ Шишимарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2015.

чению гражданских прав и свобод. В то же время есть ли необходимость в признании правонарушением и применении санкций в отношении потенциально порочных сделок, где стороне было предоставлено равноценное встречное предоставление? Само по себе равноценное встречное предоставление говорит о том, что соответствующая сторона действовала добросовестно, не желала воспользоваться потенциальными пороками заключаемой сделки и извлечь из этого неправомерную выгоду. В подобных случаях, на наш взгляд, признание сделки недействительной в качестве санкции за правонарушение может в отдельных случаях влечь за собой явное умаление прав и свобод стороны, предоставившей равноценное встречное предоставление по сделке.

Как представляется, вопрос равноценности встречного предоставления подлежит обязательному учету не только в рамках рассмотрения вопросов подозрительных сделок в рамках процедур банкротства, но и по целому ряду иных составов потенциально порочных сделок. Безусловно, сам по себе факт равноценного встречного предоставления по сделке не может быть безусловным основанием для ее действительности и отказа в применении последствий недействительности подобной сделки. Так, равноценное встречное предоставление, безусловно, не может быть препятствием для признания сделки ничтожной или применения последствий недействительности ничтожной сделки в отношении тех порочных сделок, которые затрагивают значимые публичные или общественные интересы или квалифицированный частный интерес и прямо поименованы законодателем как ничтожные.

В отношении же большинства оспори- мых сделок, не затрагивающих публичный интерес или квалифицированный частный интерес, установление факта равноценности встречного предоставления, как кажет-

ся, должно иметь существенное значение для решения вопроса о признании таких порочных сделок недействительными.

Основанием для подобного взгляда на отдельные недействительные сделки, в числе прочего, может служить норма п. 2 § 138 Германского гражданского уложения ССЫЛКА К+, где указано следующее — *«Недействительной является, в частности, сделка, по которой одно лицо, пользуясь стесненным положением, неопытностью, легкомыслием или слабостью другого, в обмен на какое-либо предоставление со своей стороны заставляет его пообещать либо предоставить себе или третьему лицу имуущественные выгоды, явно несоразмерные указанному предоставлению»*⁹(выделено мною. — Н.З.).

В отечественном законодательстве наиболее близкими составами недействительной сделки, аналогичной описанной абзацем выше, являются порочные сделки, предусмотренные ст. 178 и 179 ГК. Между тем указанные статьи не предусматривают в качестве обязательного условия признания сделки недействительной несоразмерность встречного предоставления по сделке, как не предусматривают такого условия и иные составы порочных сделок по отечественному законодательству (кроме названных подозрительных сделок).

А.Г. Карапетов и А.И. Савельев в своем прекрасном исследовании дают понятие «патерналистски обусловленных» ограничений свободы договора — *«ограничения, которые вводятся не для защиты интересов третьих лиц, общества и государства в целом и основ правопорядка и нравственности в частности, а в целях предотвращения или исправления тех ситуаций, когда воля контрагента, которая выражена или может быть выражена в контракте, не соответствует тому, как долгосрочные интересы этого контрагента оцениваются обществом»*¹⁰. Очевидно, что признание

⁹ Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015.

¹⁰ Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы. В 2 т. М.: Статут, 2012. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений.

сделок недействительными в тех случаях, когда затрагивается лишь частный интерес отдельного лица или отдельных лиц, является явным патерналистски обусловленным ограничением свободы договора и иных гражданских прав (конечно, если речь идет о двусторонней сделке). Авторы далее приводят ряд причин опасности интенсивного патернализма для гражданского оборота, в числе которых отмечают рост нагрузки на судебную систему, ухудшение реального положения контрагентов по иным параметрам договорных отношений как естественную компенсацию широких возможностей по отдельным параметрам и другие возможные минусы. По нашему мнению, все эти обстоятельства в той или иной степени применимы и к вопросам регулирования порочных сделок.

Как уже было указано, не подвергается сомнению отсутствие значения размера встречного предоставления для случаев, когда потенциально порочная сделка затрагивает публичный или общественный интерес либо квалифицированный частный интерес. В том же случае, если речь идет о потенциально порочной сделке, затрагивающей лишь ординарный частный интерес, отсутствие учета равноценности встречного предоставления и безусловное признание такой сделки недействительной по иным параметрам представляет собой, во-первых, явный патернализм, во-вторых, приводит к чрезмерному ограничению прав участника, предоставившего такое равноценное встречное предоставление. Сам по себе факт равноценного встречного предоставления говорит о том, что сторона сделки осталась в равноценном экономическом положении относительно того, в каком положении она была до исполнения потенциально порочной сделки; размер отданных благ равен размеру полученных благ. В подобной ситуации говорить о наличии какого-либо

«правонарушения», как характеризуют недействительные сделки ряд исследователей, а также о необходимости применять за такое «правонарушение» установленные санкции, очевидно, не приходится.

Соответственно, нет и необходимости для государственного вмешательства в такую сделку в виде признания ее недействительной и применения последствий этого — подобный подход будет противоречить принципу «дозированного» патернализма, выделяемого упомянутыми авторами, а также приводить к умалению гражданских прав и свобод одной из сторон сделки, предоставившей равноценное встречное предоставление в силу явной несоразмерности применяемых ограничительных мер и достигаемых такими мерами целей.

Стоит отметить, что ряд судов, оценивая условия кредитных договоров об уплате комиссий за те или иные действия банков в рамках данных кредитных договоров, приходили к выводу, что «*условие кредитного договора о взимании комиссии за изменение условий этого договора является недействительным, если заемщик не получил встречного эквивалентного предоставления в результате такого изменения*»¹¹; указанные условия договоров признавались недействительными в части¹².

Заметим — суды оценивали не формальную сторону вопроса (положения договора, их соответствие закону и т. д.), а именно фактическую — было или не было стороне по договору предоставлено равноценное встречное предоставление или нет.

Полагаем, что нет оснований отвергать такой подход и в иных случаях при рассмотрении вопросов, связанных с потенциально порочными сделками.

Безусловно, правило о равноценном встречном предоставлении как основание для отказа в признании сделки недействительной не может применяться безогово-

¹¹ Путеводитель по судебной практике. Кредит // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 20.05.2013 по делу N А28-9130/2010 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31.10.2014 N Ф09-7194/14 по делу N А50-23756/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

рочно. Как было указано выше, оно не должно быть применимо к ничтожным сделкам, применение последствий недействительности которых служит защите квалифицированного частного или значимого общественного или публичного интереса. Кроме того, невозможность применения правила равноценного встречного предоставления может быть обусловлена, например, особой нематериальной ценностью предмета сделки для стороны, которая этим предметом распорядилась, либо иными фактическими обстоятельствами. Соответственно, правило равноценности встречного предоставления следует вводить в качестве правоприменительной дискреции, что позволит суду

учитывать конкретные обстоятельства каждой потенциально порочной сделки.

Такой подход позволит исключить возможности случаи чрезмерного ограничения (умаления) гражданских прав и свобод стороны сделки в случае, когда имеются формальные основания признать ее недействительной, однако фактическая сторона вопроса в виде получения сторонами равноценного встречного предоставления говорит об отсутствии нарушения прав заинтересованных лиц. Одновременно это послужит полной и основательной реализации принципа соразмерности ограничения прав и свобод в сфере недействительности сделок.

ОБ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОСНОВАНИЯХ АФФИЛИРОВАННОСТИ

Ефимов А.В.,
аспирант РГУП

Аффилированность как разновидность корпоративной власти возникает тогда, когда между субъектами возникают своеобразные отношения власти и подчинения. В зарубежной литературе при характеристике корпоративных отношений делается особый акцент на корпоративной власти. Так, Parkinson J.E. отмечает: «корпоративная власть не является лишь вопросом ресурсов и рыночной доли формально независимых юридических лиц. Она является также результатом скоординированной деятельности между компаниями»¹. Представляется, что основания аффилированности следует выявлять через критерий средства возникновения способности оказывать влияние на предпринимательскую деятельность.

Григораш И.В. пишет, что цивилистическая доктрина традиционно выделяет четыре формы контроля одного лица над другим: имущественно-финансового характера, а также договорного, личного и организационного характера². При этом для выявления оснований аффилированности не следует ограничиваться только понятием «контроль»; необходимо использовать понятие «влияние» как более широкую категорию, связанную с реализацией отношений власти и подчинения.

Характеризуя первое основание зависимости, Сергеев А.Г. отмечает: «имущественно-финансовая форма зависимости

заключается в праве собственности в соответствии с п.1 ст.209 ГК РФ, в нашем случае — в праве собственности на акции, вклады, доли. Так, для признания лиц аффилированными или взаимозависимыми, доля такого участия должна составлять 20 %, а для вхождения лиц в одну группу лиц требуется владение не менее 50 %»³. Между тем, такой подход подвергается критике как в теории, так и на практике.

Если имущественно-финансовый критерий объясняется ссылкой на ст.4 Закона о конкуренции, то проблема установления контроля через преобладающее участие как разновидности аффилированности вызывает дискуссии. Например, Кутин О.Е., рассматривая контроль основного общества над деятельностью дочернего, пишет, что «действующее законодательство не раскрывает определение преобладающего участия в уставном капитале, однако предлагается понимать под этим термином такое участие, которое позволяет основному обществу контролировать и определять решения, принимаемые дочерним»⁴.

Судебная практика чаще всего определяет преобладающее участие как владение более чем 50 % акций⁵ (долей). Однако это не всегда верно. Так, Шиткина И.С. отмечает: «для квалификации участия как преобладающего оно не обязательно должно превышать 50 %

¹ Parkinson J.E. Corporate Power and Responsibility: Issues in the Theory of Company Law. New York. Oxford University Press.2002. P. 6.

² Григораш И.В. Зависимые юридические лица в гражданском праве: опыт сравнительно-правового исследования. М.: ВолтерсКлувер. 2007. С. 12.

³ Сергеев А.Г. Гражданско-правовое положение аффилированных, взаимозависимых лиц и групп лиц: Дис. ... канд. юрид. наук. М. 2010. С. 34–35.

⁴ Кутин О.О. Основания возникновения холдинговых отношений // Юрист. № 14. 2012. С. 27–30.

⁵ Постановление ФАС Уральского округа от 14 октября 2013 г. №Ф09–9807/13 по делу №А60–35169/2012 // [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AUR;n=145149>. (Дата обращения: 10.03.2016).

голосующих акций (долей в уставном капитале) хозяйственного общества. При многочисленности акционеров или участников и «распыленности» контрольного пакета в отдельных обществах требуется значительно меньшее число голосов (долей), чтобы добиться подавляющего влияния»⁶. Таким образом, преобладающее участие в капитале само по себе не влечет аффилированность. Аффилированность по данному основанию возникает при наличии у лица права распоряжения более чем 20 % общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции, либо составляющие уставный или складочный капитал, вклады, доли. Представители зарубежной школы правовой теории исходят из того, что финансовый контроль в корпоративных пирамидах может быть и при уровне владения намного ниже, чем 20 % владения капиталом⁷.

При этом имущественно-финансовое основание аффилированности необходимо отличать от организационной формы зависимости. Анализ зарубежного права свидетельствует о том, что организационная зависимость выражается через процедуры принятия решений. В науке отмечается, что примером организационной формы зависимости в российском праве может служить институт «золотой акции»...»⁸. Так, согласно ч.1 ст.38 ФЗ о приватизации государственного и муниципального имущества⁹ «золотая акция» представляет собой право публично-правового образования на участие в управлении акционерными обществами, создаваемыми в результате приватизации имущественных комплексов унитарных предприятий.

В теории отмечается, что «золотая акция» не является акцией в обычном понимании: не является ценной бумагой, не отнесена законом к числу таковых (ст.142, 143 ГК РФ) и не предоставляет своему владельцу каких-либо имущественных прав, в том числе права на дивиденды, а также не имеет номинальной стоимости¹⁰. Представляется, что организационная форма зависимости не имеет четких критериев. Вместе с тем существует точка зрения, согласно которой предполагается, что одно лицо может определять поведение другого благодаря наличию определенных властных полномочий структурно-организационного, управленческого характера¹¹. Это позволяет говорить о разной правовой природе имущественно-финансового и организационного оснований аффилированности.

Обобщив вышеизложенное, следует отметить, что основания аффилированности раскрываются через критерий средства возникновения способности оказывать влияние на предпринимательскую деятельность. Имущественно-финансовое основание аффилированности устанавливается при оценке всех существенных обстоятельств в их системном единстве, таких как, например, распыленность контрольного пакета акций, общее количество акционеров и т.д. Установить жесткий порог для определения данного основания аффилированности представляется невозможным. При этом следует различать имущественно-финансовое основание от организационного, несмотря на то, что формально и терминологически они могут быть схожими.

⁶ Корпоративное право / Отв. ред. И.С. Шиткина. М.: ВолтерсКлувер. 2007 .

⁷ См.: Orts E.W. Business Persons: A Legal Theory of the Firm. NY: Oxford University Press, 2015. P. 93.

⁸ Сергеев А.Г. Указ.соч. С. 36.

⁹ ФЗ от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О приватизации государственного и муниципального имущества» // СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 251.

¹⁰ Ласкина Н.В., Тимофеева Н.Ю., Бирюкова Т.А., Головань А.А., Слесарев С.А. Комментарий к ФЗ от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (постатейный).

¹¹ Писенко К.А., Цинделиани И.А., Бадмаев Б.Г. Правовое регулирование конкуренции и монополии в РФ: Курс лекций / Под ред. С.В. Запольского. М.:РАП. Статут. 2010.

НЕПОИМЕНОВАННЫЕ ДОГОВОРЫ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Азимова Е.А.

студентка 3 курса очного юридического факультета Российского государственного университета правосудия

Статья 421 Гражданского кодекса РФ¹ (далее — ГК РФ) провозглашает принцип свободы вступления в договорные отношения, свободы выбора контрагента, свободы выбора вида договора и свободы согласования условий договора.

Пункт 2 ст. 421 ГК РФ гласит, что «стороны могут заключить договор как предусмотренный, так и не предусмотренный законами или правовыми актами»². Это дает свободу заключения непоименованных договоров и означает, что ГК РФ не знает замкнутого перечня видов соглашений. Следовательно, любая договорная конструкция, не предусмотренная законом и не противоречащая ему, признается допустимой.

Востребованность непоименованных договоров объясняется тем, что имеющиеся договорные конструкции не отвечают интересам участников договора. Отсюда у участников полная свобода оформлять свои отношения так, как посчитают нужным, не ограничиваясь уже имеющимися договорными конструкциями. Однако данная свобода заключения любых договоров не носит безусловного характера; она раскрывается и в то же время ограничивается такими оценочными понятиями, как добросовестность, разумность, справедливость. Если же понимать свободу договора в абсолютном ее значении, то принцип

может плавно перейти в злоупотребление правами.

Понятие «непоименованный договор» не имеет легального определения в российском законодательстве. Поэтому считаем необходимым разобраться, что именно понимают под таким договором. Так, законодательство понимает под таким термином договор, «не предусмотренный законом или иными правовыми актами»³. С одной стороны, законодатель указывает, что непоименованный договор — это договор, который не имеет своего индивидуального названия, несмотря на то, что может состоять из известных гражданскому праву элементов (например, смешанный непоименованный договор). Судебная практика богата именно такими договорами⁴.

Другая позиция состоит в том, что непоименованный договор — это договор, не имеющий какого-либо законодательного регулирования, хотя он и упоминается в каком-либо законе или ином нормативном правовом акте⁵.

Возможно также понимание непоименованного договора как ситуации, когда между сторонами фактически могут сложиться правоотношения, и эти правоотношения разрешены законом (например, в самом законе указано, что такие правоотношения могут возникнуть; в данном случае договор следует понимать как правоотношение), но

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238–239.

² Там же. П. 2 ст. 421.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015). П. 2 ст. 421 // Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238–239.

⁴ См.: Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 20.12.2006 N Ф08–6456/2006 по делу N А61–816/2006–6 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Например, договоры, указанные в Налоговом кодексе, Градостроительном законодательстве, в Кодексе торгового мореплавания.

не имеют должного регулирования. Сюда относятся ситуации при заключении договора суррогатного материнства. Существование такого правоотношения установлено Семейным кодексом РФ⁶ и ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ⁷.

И, наконец, последнее понимание договора как непоименованного — это существование такого правоотношения и сделки, которые абсолютно нигде не указаны. Наверное, трудно изобрести такой юридический факт, который станет основой договора и будет иметь иное содержание по сравнению с обычными договорами и иную направленность. Поскольку современная реальность динамична и экономические отношения развиваются со стремительной скоростью, возможность существования иных, отличных от уже известных договоров не исключается. Рискнем предположить, что такие договорные конструкции могут быть распространены в динамично развивающихся сферах — в медицине, микробиологии, промышленности, сельском хозяйстве. Так, в медицине существуют ситуации трансплантации человеческих органов или кожных покровов. Как с точки зрения права квалифицировать такие отношения? Если это услуга, то услуга в части деятельности медиков по пересадке органа с использованием своего оборудования, знаний и квалификации.

А отношения по поводу предоставления органа медицинской организацией реципиенту? По действующему законодательству органы не могут быть предметом какого-либо договора. Можно квалифицировать такие отношения как пожертвование со стороны донора. Договором подряда такие отношения также назвать не представляется возможным (за исключением, если орган был

создан искусственно, то могут присутствовать элементы смешанности подряда и медицинских услуг), поскольку вещественный результат невозможно достичь.

Вопрос признания таких договоров непоименованными и законными будет целиком делегироваться судам. На наш взгляд, при квалификации договора как непоименованного стоит исходить из направленности договора и объекта. Направленность договора проявляется в совместной направленности волеизъявления сторон, в преследовании «интересной и необходимой» цели, а также нацеленности на результат. Если непоименованный договор имеет новую, неизвестную ГК РФ направленность, то следует применять общие нормы для договоров, а также большую роль играет процесс толкования. Что касается объекта договора, то считается, что перечень объектов гражданского оборота обозначен как исчерпывающий, однако в данный момент согласиться с этим трудно, так как в обороте участвуют человеческие органы (мы говорим о законном обороте), человеческие ткани, кровь, в информационной сфере распространены сделки с доменными именами. Трудовая функция работника как предмет договора аутстаффинга также может быть объектом оборота.

Особый интерес представляют договоры в сфере права интеллектуальной собственности, а именно договоры на создание служебных произведений. В соответствии со ст. 1295 ГК РФ авторское право на результат интеллектуальной деятельности принадлежит автору, но исключительное право на служебное произведение принадлежит работодателю, если иное не предусмотрено договором между сторонами⁸. Судебная практика богата примерами, когда исключительными правами владеют коммерческие организации⁹, но судьба

⁶ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 28.11.2015). П. 4 ст. 51 // Российская газета. 1996. 27 января. № 17.

⁷ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 13.07.2015, с изм. от 30.09.2015). П. 9 ст. 55 // Российская газета. 2011. 23 ноября. № 263.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016). Пп.1, 2. Ст. 1295 // Российская газета. 2006. 22 декабря. № 289.

⁹ Решение по делу 2-388/2016 ~ М-280/2016 [Электронный доступ] <https://rospravosudie.com/court-urenskiy-rajonnyj-sud-nizhegorodskaya-oblast-s/act-523849423/>

этих исключительных прав остается неизвестной, если коммерческая организация-работодатель ликвидируется. Из смысла ст. 1295 ГК РФ можно предположить, что исключительное право на произведение может вернуться автору, если работодатель не будет использовать это произведение в течение трех лет.

Как видим, возврат исключительного права автору осуществляется в рамках существования действительных трудовых отношений, а ликвидация организации предполагает прекращение всех отношений, и, следовательно, никакого возврата исключительного права осуществляться не будет, так как это не предусмотрено действующим законодательством. Можно предположить, что такое произведение перейдет в разряд общественного достояния. Но по смыслу статей 1281, 1282 ГК РФ¹⁰ переход результата интеллектуальной собственности в разряд общественного достояния связан с прекращением действия исключительного права в связи со смертью автора и истечении семидесяти лет после его жизни. Думается, что это является существенным нарушением прав автора, в том числе на вознаграждение. Конечно, следует исходить из того, какое именно создано произведение, но в то же время не следует забывать и о ценности произведения. В случае если результат интеллектуальной деятельности представляет собой прорыв и инновацию в коммерческой деятельности, гражданском обороте, то совершенно необоснованно лишать автора вознаграждения лишь только потому, что его некому выплачивать.

Думается, что следует исходить из того, что стало предпосылкой создания того или иного результата интеллектуальной

деятельности, кто являлся инициатором создания. В действительных трудовых отношениях — это работодатель, но если трудовые отношения прекращаются, то необходимо заключить договор (его, по нашему мнению, можно отнести в разряд непоименованных), который будет направлен на дальнейшее использование результата интеллектуальной деятельности физического лица (бывшего работодателя) и его обязанности выплачивать вознаграждение физическому лицу-автору (бывшему работнику). Внешне такой договор похож на договор лицензирования, однако существенным отличием будет являться то, что в момент заключения договора автор произведения не обладает исключительными правами, а, значит, распоряжаться ими не может. Таким образом, в таких отношениях делается упор на добросовестность и уважение прав автора со стороны бывшего работодателя. Или же как один из вариантов поведения работодателя, который решил прекратить деятельность юридического лица, полностью и окончательно передать по гражданско-правовому договору исключительные права на результат интеллектуальной деятельности автору.

Процесс выявления и заключения непоименованного договора достаточно трудоемкий. В судебной практике имеются примеры, когда сторона сама изъявляет, что к спорным правоотношениям применяется аналогия закона¹¹; ситуации, когда суды затрудняются в определении вида договора и обращаются к научному сообществу¹²; суд сам указывает, что между сторонами заключен непоименованный договор, в то время как стороны полагали, что имеют обычный гражданско-правовой договор¹³; бывает, что стороны не соглашаются с выводами су-

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016). П.1. Ст. 1281; П.1. Ст. 1282 // Российская газета. 2006. 22 декабря. № 289.

¹¹ См.: Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 23.09.2015 № 07АП-8250/2015 по делу № А45-4670/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.06.2015 № 09АП-20888/2015 по делу № А40-111561/13 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.09.2015 № 13АП-16670/2015 по делу № А21-1974/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

дов о том, что договор является непоименованным¹⁴.

Из этого можно сделать вывод, что процесс заключения непоименованных договоров очень динамичен. Видится, что в будущем у профессиональных и непро-

фессиональных участников экономического оборота пропадет страх заключения таких договоров, что позволит им осуществлять свободную деятельность, направленную на обеспечение и реализацию своих интересов и получения выгоды.

¹⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.07.2015 N Ф05–7037/2015 по делу № А40–40150/14 // СПС «КонсультантПлюс».

ИСТОРИЯ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ОРГАНОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ

Сибилев С.С.

Студент 4 курса

Российского государственного университета правосудия

Как известно, зарождение юридической службы ВС РФ берет свое начало от петровских времен, также и зарождение военного и юридического образования проходит в этот же период. Именно при Петре I в русской армии были учреждены должности, которые требовали определенной юридической подготовки, знания военного и общего законодательства и умения применять законы. Что касается первых учебных заведений, где готовили тогда еще аудиторов, то был издан именной указ императора Петра I от 11 апреля 1719 г., которым он «повелел» набирать в Военную коллегию для науки аудиторских дел ребят из шляхетских недорослей. Согласно этому же указу из-за нехватки педагогических кадров Петр приглашал иностранных специалистов из Чехии, а вскоре начал отправлять туда на обучение и наших шляхетских детей. Но, к сожалению, подготовка аудиторов из полуграмотных нижних чинов не привела к желаемому результату¹.

В дальнейшем правители Российской империи продолжали открывать на базе общеобразовательных, гражданских учреждений специальные классы или коллегии. Обратим внимание на интересный факт: в 1732 г. императрица Анна Иоанновна учредила шляхетский корпус и повелела организовать в нем кафедру для преподавания юридических наук «учеными-профессорами». При

учреждении кадетского корпуса было определено преподавать в нем юриспруденцию тем из кадетов, которые были не способны к строевой службе или считали себя более склонными к службе статской². Полагаю, что это делало менее престижной должность аудитора, и мало какой молодой человек в те годы признался бы в своей негодности или склонности к гражданской (статской) службе или хотел, чтобы его признали таковым. При Сенате и Военной коллегии существовали коллегии-юнкера (для дворян), где получали образование люди, знакомые с государственными и военными законами и делопроизводством. Но результаты обучения в ней были весьма неудовлетворительными, поэтому императрица Екатерина II, в 1762 г. упразднив Сенатскую дворянскую школу и отменив звание коллегии-юнкера, повелела открыть классы юриспруденции при шляхетском корпусе и установить практические занятия исключительно для ознакомления с судопроизводством аудиторов из кадетов старшего возраста. Император Павел I восстановил Сенатскую школу под названием «юнкерской»³.

В 1812 г. упразднили генерал-аудиториат после 15 лет его существования⁴. Видимо, поняв проблему плохого качества обучения — отсутствие самих преподавателей, в 1827 г. Александр II при Санкт-Петер-

¹ Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С. 175.

² Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография 2 отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1832. Т. VIII. 5811, 5866; Т. XII. 9532.

³ См.: Журналы заседаний конференции Военно-юридической академии за истекшее десятилетие с 1878–1879 по 1888–1889 учебные годы. СПб., 1889. С. 160–161.

⁴ Хмара Н.И. Краткий очерк истории военно-юридического образования в России. М., 1999. С. 15.

бургском батальоне военных кантонистов учредил «военно-учительский институт» для подготовки учителей из кантонистов, которые направлялись на службу в учебные заведения военного ведомства. Интересно то, что институт был обязан «учеников, менее способных в учителя, приготавливать в аудиторы»⁵. Представляется, что изначально подготовке аудиторов не придавали большого значения. Но и этот институт был закрыт, а потом в 1832 г. преобразован в аудиторскую школу, с которой начинается новый этап развития юридических кадров вооруженных сил в целом.

Итак, начало специальному военно-юридическому образованию в России было положено созданием 10 ноября 1832 г. самостоятельного учебного заведения для подготовки военных законоведов — Аудиторской школы, предназначенной «снабжать военно-сухопутное и морское ведомство аудиторами, образованными соответственно обязанностям сего звания»⁶. Обучение аудиторов в Аудиторской школе даже при всем несовершенстве учебных планов в отношении, как общего, так и юридического образования, все же было эффективнее, чем в Генерал-аудиториате, в Уголовных департаментах Сената и в Аудиториатском департаменте с ордонанс-гаузами⁷. В 1846 г. школа была преобразована в Аудиторское училище. Но учебные планы не соответствовали юридической реальности. Общеизвестно, что в начале второй половины XIX в. Россия вступила в полосу прогрессивных реформ во многих государственных сферах. Реформы коснулись в том числе и юридического образования и юриспруденции в целом. Новые суды: в пределах губернии, составившей судебный округ, создавался окружной

суд. Судебная палата объединяла несколько судебных округов. Как правило, решения окружного суда и судебных палат при участии присяжных заседателей считались окончательными и могли быть обжалованы только в том случае, если нарушался порядок судопроизводства. Высшей кассационной инстанцией являлся Сенат, который принимал апелляции на судебные решения. Для разбора незначительных правонарушений и гражданских исков до 500 руб. в уездах и городах существовал мировой суд. Мировые судьи выбирались на уездных земских собраниях. Их состязательность и введение института присяжных заседателей требовало притока высокообразованных юристов. Военная и военно-судебные реформы обусловили дальнейшее развитие военно-юридической теории и практики в России. Возникла насущная потребность в офицерских кадрах с высшим юридическим образованием. В 1866 г. императором Александром II было принято решение готовить военных юристов более высокого ранга из числа офицеров. В приказе по военному ведомству от 9 июля 1866 г. за № 202 объявлялось: «... для приготовления штаб- и обер-офицеров к занятию должностей по военно-судебному ведомству с преобразованием военно-судной части открыть при Аудиторском училище Военного министерства офицерские классы из двух курсов»⁸. Вскоре эти классы были переименованы в академию, а Аудиторское училище преобразовано в Военно-юридическое училище. Требования, которые предъявлялись к поступающим, заслуживают особого внимания. Все обучающиеся проходили тщательный отбор. Офицеры, желающие туда поступить, должны были сдать предварительный экзамен — в окружных штабах

⁵ Бобровский П.О. Пятьдесят лет специальной школы для образования военных законоведов в России. ПСб, 1900. С. 63.

⁶ См.: Положение об Аудиторской школе от 26 марта 1832 г., дополненное правилами о приеме дворянских и обер-офицерских детей от 8 ноября 1832 г. / Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография 2 отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1832. Т. 7. 5253, 5731.

⁷ Бобровский П.О. Развитие способов и средств для образования юристов военного и морского ведомств в России. Ч. 1. Вып. 1. СПб., 1879. С. 37.

⁸ Цит. по: Кузьмин-Караваев В. Военно-юридическая академия. 1866–1891 гг. Краткий исторический очерк. СПб., 1891. С. 8

(кроме офицеров гарнизона Санкт-Петербурга) и основной экзамен — в самой академии. Эта традиция существовала долго. Вступительные экзамены состояли из восьми предметов, включая: русский язык, политическую историю, географию, физику и начальные основы химии, начальную военную администрацию, уставы внутренней и гарнизонной службы и два иностранных языка — французский и немецкий (в объеме курса кадетских корпусов и военных училищ). В отличие от нынешней практики ВУЗов передача экзаменов не допускалась. Такая система позволяла комплектовать контингент слушателей академии «благонадежными в политическом, нравственном и умственном отношении офицерами»⁹.

17 июня 1878 г. на основании Положения, утвержденного Александром II, была создана Военно-юридическая академия для военных и гражданских слушателей с трехлетним сроком обучения. Одновременно упразднялось Военно-юридическое училище. Это было первое в России высшее самостоятельное учебное заведение, готовящее военно-юридические кадры. В 1881 г. был прекращен прием в академию гражданских слушателей, и она перешла на подготовку чинов для военно-судебного ведомства исключительно из офицеров. Добавились и новые требования для поступления, снова отличающиеся от современного подхода: не допускались к приему офицеры, отчисленные из других академий «за неодобрительные поступки», «бывшие под судом», а также «косноязычные, заикающиеся и одержимые глухотой»¹⁰.

В 1917 г. приказом народного комиссара по военным делам РСФСР от 14 ноября 1917 г. № 11 Военно-юридическая академия была закрыта. Также решением Наркомпроса РСФСР к началу 1919 г. были закрыты все юридические факультеты университетов в виду того, что учебные программы устарели и не соответствуют современным

требованиям, а также так называемой революционной законности. Дальнейшее развитие, а если быть точным, то восстановление военной юриспруденции начинается с создания в 1932 г. краткосрочных курсов по переподготовке юрполитсостава военных прокуратур и военных трибуналов при Военной коллегии Верховного Суда СССР и Центральной Военной Прокуратуре. А в дальнейшем в рамках геополитической ситуации постановлением ВЦИК СССР было принято решение о создании при Всесоюзной правовой академии Военно-юридического факультета РККА. Военно-юридический факультет РККА решал задачи по подготовке квалифицированных военных юристов для армии и флота. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. факультет перешел на сокращенную программу. А кадры для «юридической службы» также восполнились гражданскими юристами. После войны преподавательский состав академии увеличивается и занимается в основном научной деятельностью, продолжается подготовка и «выпуск» военных юристов.

В 1953 г. в связи с сокращением численности Вооруженных сил СССР и расформированием органов военной юстиции корпусов, дивизий, бригад, начался процесс поэтапного сокращения штатной численности постоянного и переменного состава академии, который завершился в 1956 г. ее расформированием. В период с 1956 по 1974 гг. подготовка офицеров-юристов осуществлялась на военно-юридическом факультете Военно-политической академии им. В.И. Ленина. За этот период в связи с увеличением численности переменного состава факультета возросло и количество военно-юридических кафедр. В 1974 г. в результате слияния военно-юридического факультета и Военного института иностранных языков было создано новое учебное заведение — Военный институт¹¹. 7 декабря 1991 г. на основании

⁹ Кузьмин-Караваев В. Военно-юридическая академия. 1886–1891 гг. Краткий исторический очерк. СПб., 1891. С. 88–89.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Очерк истории военно-юридического образования в России. М., 1987. С. 178.

распоряжения Президента РСФСР и в связи с упразднением в Вооруженных силах военно-политических органов и политического аппарата частей и подразделений Военно-политическая академия им. В.И. Ленина была переименована в Гуманитарную академию Вооруженных сил РФ, на базе которой продолжилось обучение кадров для юридических нужд Вооруженных сил России.

Итак, в зависимости от способа подготовки кадров развитие военного-юридического образования в нашей стране логично разделить на два этапа. Первый, это подготовка аудиторов в неспециализированных заведениях: при Военной коллегии, а в последующем при уголовных департаментах Сената, аудиторском департаменте, военно-судебном ведомстве (1719–1832 гг.) Второй, это подготовка военных юристов в специально созданных учебных заведениях (начиная с 1832 г. и далее, прерываясь только в 30-х гг. XX столетия). Петр I заложил основу, создал первые «места» будущих военных юристов. Главная проблема, по моему мнению, заключается в отсутствии общей политики подготовки юридических кадров в России: учебные заведения то открывались, то закрывались, реорганизовывались, естественно «терялась» методика преподавания. Преподавательский состав постоянно менялся. Проблему преподавательского состава, которого на тот момент, как такового, не было, пытались решить, создав специальный институт для учителей. Через 100 лет появляется специальное учебное заведение, готовившее военных юристов. С этого момента

и начинается «усиление» кадров, улучшается качество преподавания. А самое главное требование, которое предъявляло училище (академия) к своим слушателям, было, на мой взгляд, очень справедливым — запрет пересдачи экзаменов. Февральская и октябрьская революции 1917 г. «не прошли стороной», и все учебные заведения, специализировавшиеся на подготовке кадров военных юристов были закрыты. Только непосредственно в период обострения геополитической обстановки, наращивания армии, восстанавливается это институт. И действует в рамках Всесоюзной правовой академии Военно-юридического факультета РККА. Что касается послевоенного периода истории, то здесь темпы подготовки кадров снижаются, учебные заведения снова закрывают. Подготовка осуществляется другими ВУЗами нашей страны. Последним в истории развития института подготовки кадров для органов юридической службы Вооруженных сил России становится созданный в 1972 г. Военный институт. А в 1991 г. создается гуманитарная Академия Вооруженных сил РФ как преемник Военно-политической Академии им. В.И. Ленина. Таким образом, институт подготовки кадров для органов юридической службы Вооруженных сил России на протяжении истории его становления подвергался неоднократным реформированиям. Сейчас этот институт успешно развивается и представляется, что подготовка квалифицированных военных юристов может быть продолжена на базе РГУП.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЖИЗНИ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

Серегина Е.В.,

канд. юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права
Ростовского филиала РГУП

Омарова К.Н.,

магистрант 2 курса
Ростовского филиала РГУП

В последние годы в России регистрируется значительное число преступлений, жертвами которых стали дети, погибшие от рук собственных родителей¹. По данным ГИАЦ МВД России, ежегодно потерпевшими по уголовным делам об убийствах становятся около 200 малолетних детей, в том числе и новорожденных (в 2011 г. — 180, в 2012 г. — 193, в 2013 г. — 189, в 2014 г. — 188, за январь-август 2015 г. — 15)².

Одним из преступлений, увеличивающих «печальную» статистику, является убийство матерью своего новорожденного ребенка.

Обеспечение охраны жизни новорожденного ребенка от преступных посягательств является одной из проблем, стоящих перед Российским государством. Неблагоприятные тенденции в развитии детоубийств диктуют необходимость поиска эффективных путей решения данной проблемы. Что, в свою очередь, требует в качестве важнейшего условия, — разработку и реализацию единой, научно-обоснованной и грамотно реализуемой государством политики, определяющей стратегию и тактику противодействия преступности. Таковой на сегодняшний день выступает уголовно-правовая политика в сфере охраны жизни новоро-

жденного ребенка, под которой понимается выработанная государством генеральная линия, определяющая основные направления, принципы, цели и средства воздействия на преступность посредством формирования уголовного законодательства, практики его применения, а также воздействия на правовую культуру и правовое сознание населения.

Для того, чтобы понять как менялось отношение общества и государственная политика к установлению уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка, рассмотрим с точки зрения истории изменения в уголовном законодательстве России.

Первоначально в Древней Руси убийство младенца родителями, в частности, матерью, не признавалось преступлением и долгое время считалось грехом. Отраженное в уставах русских князей каноническое византийское право видело в детоубийстве скорее посягательство на христианские устои семьи и нравственности, а не на жизнь и наказывалось епитимией (церковным «особым послушанием»), причем независимо от того, был ребенок рожден в браке или нет³. В средневековой России, стано-

¹ Галкин Д.В. Уголовно-правовая охрана жизни новорожденного ребенка // Российский следователь. 2014. № 19. С. 28–31.

² Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: www.mvd.ru/Statistika.

³ Грубова Е.И. Ретроспективный анализ дореволюционного российского уголовного законодательства об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка // История государства и права. 2008. № 13. С. 26.

вившиеся известными случаи убийств новорожденных детей рассматривались сквозь призму религиозных норм и правил. Закон охранял в первую очередь традиционные семейные отношения, санкционируемые исключительно церковью через обряд венчания и внесения записи в церковные книги. Устанавливая уголовное наказание за убийство ребенка, рожденного вне церковного брака, закон преследовал внебрачные связи.

Развитие медицины и гуманизация права постепенно привели к пониманию того, что процесс родов может сильно влиять на психику женщины. Это, в свою очередь, повлекло общественную и юридическую переоценку степени субъективной вины, рожающей или только что родившей женщины, совершающей преступление в особом психофизиологическом состоянии. Впервые нормы уголовного закона, устанавливающие более мягкое наказание для матерей-детоубийц в Европе, в том числе и в России, приняты во второй половине XIX в.

В советском уголовном праве не было предусмотрено смягчения наказания за убийство матерью новорожденного, и оно квалифицировалось согласно ст.103 УК РСФСР «Умышленное убийство», либо, при наличии соответствующих признаков, — по ст.102 УК РСФСР «Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах» (например п.«г», «совершенное с особой жестокостью»)⁴. В тоже время условия, в которых зачастую совершаются данные виды убийств (особое психофизиологическое состояние матери во время и после родов, стрессовые ситуации, тяжелая семейная обстановка, материальные трудности) могли быть учтены в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, в рамках применения санкции ст.103 УК РСФСР.

Привилегированный состав введен лишь с принятием УК РФ в 1996 г. Возвращение к составу со смягчающими обстоятельствами аргументировано историей развития российского уголовного законодательства,

а также опытом многих зарубежных стран, в законодательстве которых предусмотрена специальная норма о детоубийстве, устанавливающая более мягкое наказание по сравнению с простым убийством.

Формулируя привилегированный состав убийства, законодатель исходил из того, что в период родов и сразу после них у женщины имеются определенные отклонения в психофизиологическом состоянии, влияющие на возможность осознания своего поведения. В результате этих отклонений у матери происходит накопление отрицательных эмоций, что снижает возможность адекватно оценивать свои действия, ограничивает способность контролировать свои поступки и прогнозировать их возможные последствия, таким образом, снижая ее вменяемость. В этом состоит медицинское обоснование необходимости смягчения наказания при наличии указанных обстоятельств. Однако правовые и технико-юридические аспекты формулирования данной нормы в уголовном законе служат поводом для дискуссий.

С начала действия ст.106 УК РФ в среде ученых-юристов, правоприменителей не прекращается обсуждение проблем, связанных с этой нормой, как в части выявленных существенных противоречий в теории и практике ее применения, так и эффективности действия санкции, предусмотренной этой нормой. Одним из основных недостатков данной нормы является противоречие между терминами «во время родов» и «новорожденный». В настоящее время не дано законодательного определения, либо судебного толкования данных терминов. Формулировка «убийство новорожденного во время родов» внутренне противоречива, т.к. во время родов еще нет новорожденного ребенка, а в момент, когда мы можем говорить о появлении новорожденного, процесс родов очевидно завершен. В связи с этим в правовой науке предпринимаются попытки определить и закрепить временные гра-

⁴ Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

ницы рождения человека, а, следовательно, момент появления нового субъекта права и момент начала правовой охраны его жизни и здоровья. В качестве вариантов определения этой границы предлагаются: момент начала родовых схваток либо родоразрешающей операции (кесарево сечение), прохождение плода через родовые пути, появление головки плода на свет, первый вздох ребенка.

Обратим внимание, что в соответствии с общей теорией права человек приобретает права (в том числе право на жизнь) с момента рождения, что закреплено в п.2 ст.17 Конституции РФ. Исходя из этого, уголовно-правовая охрана жизни человека до его рождения требует теоретического обоснования. Таким образом, употребление термина «новорожденный» в норме закона противоречит формально предусмотренной возможности уголовной ответственности за покушение на жизнь человеческого плода во время родов.

Отметим, что все возможные варианты решения этой проблемы (проблемы определения момента рождения, начала человеческой жизни и их уголовно-правовой охраны) содержат оценочную составляющую и во многом зависят от толкования и применения нормы писаного права, как бы совершенно она ни была сконструирована. Безусловно, необходимо как можно точнее конкретизировать момент начала уголовно-правовой охраны жизни новорожденного, а также человеческого плода во время родов, однако нормативно определить «момент» рождения человека в принципе невозможно, во всяком случае, на современном этапе развития медицины. Поэтому окончательная квалификация деяния матери, умертвившей ребенка во время родов, — это персональная ответственность следователя и судьи, которые руководствуются не только законом (нормами УПК РФ), но и собственной совестью и действующих по своему внутреннему убеждению.

Установление признаков новорожденности также актуально при квалификации убийства новорожденного по признакам «в

условиях психотравмирующей ситуации» и «в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости». Здесь также нет единого мнения, т.к. период новорожденности не урегулирован ни в медицине, ни в юриспруденции. В этих случаях, согласно общепринятому мнению, новорожденным считается ребенок в возрасте до одного месяца.

Кроме того, признак «в условиях психотравмирующей ситуации», по сути, является обстоятельством, смягчающим наказание, а, следовательно, должен быть предусмотрен не специальной нормой Особенной части УК РФ, а соответствующей нормой его Общей части. Тем более, что Общая часть уже закрепила похожий признак в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Так, п.«д» ст.61 УК РФ «Обстоятельства, смягчающие наказание» предусматривает «совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств». Возможно, использования данной нормы будет вполне достаточно для адекватного смягчения наказания матери-детоубийце.

Трудности возникают также при необходимости отграничения рассматриваемого состава преступления от «оставления в опасности», предусмотренного ст.125 УК РФ, и «убийства по неосторожности» (ст.109 УК РФ). На наш взгляд, отличительной особенностью рассматриваемого вида убийства (ст.106 УК РФ) является то, что оно может быть совершено не только с помощью активного физического насилия в отношении новорожденного ребенка, но и путем бездействия. Например, неоказание помощи новорожденному ребенку и оставление его сразу после рождения без ухода и заботы, даже в помещении с комнатной температурой, может привести к смерти младенца от переохлаждения или от голода. В большинстве случаев мать не может не осознавать этого, что говорит об ее умысле на убийство. Разграничение данных составов требует от следователя кропотливой аналитической работы, организации и проведения разных следственных и оперативно-розыскных мероприятий, тщательной и обоснованной ар-

гументации при окончательной квалификации действий или бездействия матери.

Подчеркнем, что основным критерием смягчения наказания за совершение детоубийства в российском уголовном законодательстве, в процессе его становления и развития, было особое психофизиологическое состояние матери, вызванное беременностью и родами. Однако в диспозиции ст.106 УК РФ законодатель прямо на данный факт не указал. В результате этого все совершаемые во время или сразу же после родов убийства детей автоматически квалифицируются сегодня по привилегированному составу (ст.106 УК РФ), даже если убийца была полностью вменяема. Это приводит к тому, что действия матерей, убивших своих новорожденных детей, даже при отягчающих обстоятельствах квалифицируются по привилегированной статье, «без всякого на то основания»⁵.

Полагаем, что при разработке новой редакции ст.106 УК в ее основу должен быть положен обязательный признак психического расстройства матери, а также временной интервал — 24 часа с момента рождения ребенка. В качестве примера должна быть взята ст.107 УК РФ «Убийство в состоянии аффекта». Привлечение к уголовной ответственности в таком случае осуществляется на основе заключения комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

В тоже время ужесточение ответственности должно быть взвешенным. С целью поддержания эффективности уголовной политики важно еще раз оценить, насколько ужесточение ответственности может сократить реальную статистику детоубийств. Такие преступления и так совершаются

женщинами с расстройством психики, как правило, вызванным стечением тяжелых жизненных обстоятельств. Детоубийству зачастую предшествует ситуация, когда будущие молодые матери остаются без поддержки родственников, друзей, соседей и общества в целом, без психологической поддержки. Очевидно, в этом есть обоюдная вина не готовой к беременности молодой матери и окружающего ее общества. Поэтому причины детоубийств необходимо искать во взаимосвязи с другими антисоциальными явлениями в области семьи, материнства и детства: социальным сиротством (при живых родителях), домашним насилием, суицидами.

Новорожденный младенец — полноценный человек, его жизнь защищена законом, а закрепленная обсуждаемой нормой УК РФ привилегия матери на убийство своего ребенка является нелогичной, ориентирующей сознание людей на то, что появившийся на свет ребенок пока человеком еще не является.

Не умаляя значения принципа гуманизма в уголовном праве, полагаем, что привилегированное убийство матерью новорожденного ребенка должно остаться в УК РФ, но только при наличии обязательного признака, что убийство ребенка женщина совершает, находясь в особом психофизиологическом состоянии, вызванном родами, либо в условиях психотравмирующей ситуации. В остальных же случаях общественная опасность совершаемого матерью убийства повышается; следовательно, уголовная ответственность за такое убийство должна быть на одном уровне с любым другим квалифицированным убийством человека.

⁵ Лунева А.В. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения: Дисс. ... канд. юрид. наук.: 12.00.08. М., 2014. С. 128.

ПОНИМАНИЕ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ И ЕЕ МЕСТА В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Бойчук В.В.

студент 1 курса магистратуры группы «Правосудие по гражданским и административным делам и экономическим спорам

В современной правовой теории существует множество основополагающих терминов, значение которых признается общепонятными и общепризнанными. Такое признание ведет к тому, что, зачастую, ключевые понятия и категории, на которых основывается вся правовая система, отрасли права, отдельные институты, не имеют четко закрепленной в правовых нормах формы. Следствием этого является их дифферентное толкование в правовой теории в зависимости от взглядов авторов¹.

Такая ситуация влечет не только возможность неправильного понимания отдельных юридических норм, но и смысла права и его элементов в целом. Такие категории как «право», «правосудие», «доступность правосудия», «право на обращение в суд» являются фундаментом правовой системы, а «фундамент» не может не быть четко определен. В данной работе будут рассмотрены вопросы понимания доступности правосудия, ее места в системе российского права. Поставленные проблемы представляются актуальными на фоне реализуемой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.»², согласно которой в качестве основного направления развития судебной системы отмечено обеспечение доступа граждан к правосудию, достижение максимальной открытости и прозрачности

процессуальной составляющей, реализация принципа независимости и объективности.

Конституция РФ в ст.46 закрепляет «право на судебную защиту». В доктрине российского права данное положение напрямую связывают с «доступностью правосудия», отождествляют эти понятия. Учеными отмечается «роль доступности правосудия» для всего правового процесса, ее всеобъемлющий характер. Правовые исследования данной категории проводятся начиная с 60-х гг. прошлого века. Однако современные реалии таковы, что легального понятия до сих пор не существует. Напротив, отечественная юридическая теория содержит противоречивые подходы к тому, что стоит понимать под «доступностью правосудия», каковы ее составные элементы³.

Согласно одной из точек зрения, сформированной отечественными авторами, «доступность правосудия» сводится к расширенному понятию «права на иск»⁴. Вторая распространенная точка зрения — «доступность правосудия» является понятием, включающим в себя содержание двух правомочий: «права на обращение в суд» и «права на удовлетворение материально-правового требования заинтересованного лица» (что, по своей сути, близко к первой позиции)⁵.

Европейский Суд по правам человека представляет доступ к правосудию как со-

¹ См.: напр.: Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М., 2007. С. 36–39.

² Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.».

³ Шереметова Г.С. Право на бесплатную юридическую помощь в гражданском процессе. М.: Статут, 2015.

⁴ Гурвич М.А. Избранные труды. Краснодар: Совет. Кубань, 2006. С. 63–73, 163–171.

⁵ Абонова О.В. Суд в механизме реализации права на судебную защиту в гражданском и арбитражном процессе: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2006.

ставную часть «права на суд», закрепленного в ст.6 ЕКПЧ. В своих решениях наднациональный орган разъясняет, что заинтересованное лицо должно иметь возможность добиться рассмотрения своего дела в суде и ему не должны помешать чрезмерные правовые или практические препятствия⁶.

Некоторые авторы в своих трудах сводят понимание «доступности» к «цели судостроительного развития»⁷. Так, Приходько И.А. определяет «доступность» как некий критерий: «...процессуальный аспект доступности правосудия в общей форме может быть определен как адекватность процессуального законодательства и практики его применения судами общественным потребностям и ожиданиям в том, что касается возможности получения каждым судебной защиты»⁸.

В советский период Семеновым В.М. «доступность правосудия» впервые была обоснована как самостоятельный межотраслевой принцип, присущий процессуальному праву в целом. Он рассматривал «принцип доступности судебной защиты прав и интересов» как обеспеченную государством возможность любого заинтересованного лица обратиться в порядке, установленном гражданским процессуальным законом, в суд за защитой прав и интересов и отстаивать их в судебном процессе. Данный автор выделял следующие элементы, составляющие принцип процессуальной доступности:

а) «право на обращение в суд за судебной защитой» как составной элемент «принципа доступности»;

б) «право на обращение в суд» имеет любое лицо, заинтересованное в получении судебной защиты. При этом «заинтересованность» понималась как в материально-правовом, так и в процессуальном смысле;

в) основания процессуального интереса могут быть различными;

г) осуществление «принципа доступности судебной защиты» закон связывает с нарушением или оспариванием субъективных прав. Это нарушение может быть не только действительным, но и предполагаемым;

д) «принцип доступности судебной защиты» выражается во всей полноте процессуальных прав лиц, обратившихся в суд. Наделение законом участвующих в деле лиц широкими процессуальными правами само по себе есть реальный факт проявления рассматриваемого принципа⁹.

Идея признания «доступности правосудия» как принципа процессуальных отраслей права была «подхвачена» многими правоведами и является на данный момент превалирующей в теории права. И, действительно, если исследовать «доступность правосудия» на наличие элементов правового принципа, то таковые в ней обнаруживаются в полной мере. К примеру «доступности правосудия» присущи все основные функции правовых принципов:

- систематизация — «доступность правосудия» формирует нормы, правовые институты, процессуальные отрасли в целом;
- правотворчество — курс на повышение «доступа к правосудию», безусловно, подталкивает развитие процессуального законодательства, примером тому служат изменения в АПК РФ и ГПК РФ, связанные с добавлением института приказного производства в первый и упрощенного производства — во второй;
- регуляция — идея «доступности правосудия» направляет применение юридических норм, определяет результат рассмотрения конкретного дела;
- интегративная функция — связывает право и общество, подчеркивает социальный характер судебной защиты.

⁶ Решение Европейского суда по правам человека по делу *Golder v. the United Kingdom* от 21 февраля 1975 г. URL: // <http://www.echr.coe.int/> (дата обращения — 05.05.2016).

⁷ *Кожухарь А.Н.* Право на судебную защиту в исковом производстве / Под ред. Е.Г. Мартыничка. Кишинев: Кишинев. гос. ун-т им. В.И. Ленина, 1989.

⁸ *Приходько И.А.* Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб.: Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2005. С. 24.

⁹ *Семенов В.М.* Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982.

Однако «доступность правосудия», обладая признаками, необходимыми для определения правового принципа, проявляет себя шире. Прослеживается поглощение «доступностью» других процессуальных принципов. Так, «принцип законности» неразрывно связан с «доступностью правосудия». Правосудие невозможно без надлежащего применения и соблюдения правовых норм и с учетом их иерархии. Судебное разбирательство теряет свои рамки и объективность без соблюдения четкой процессуальной формы, что делает правосудие недоступным. «Принцип гласности судебного разбирательства» подчеркивает социальный характер разрешения дел в суде. Такой подход позволяет каждому наблюдать за соблюдением законности, за качеством работы судебной системы, а также дает прямой доступ к сложившейся судебной практике. Стоит отметить родственность самих понятий «гласность» и «доступность».

Не так очевидны взаимосвязи «доступности» и принципов «состязательности», «диспозитивности», «процессуального равенства». Однако рассматривая такие категории как «доступность правосудия», «право на судебную защиту» не стоит забывать, что таким правом наделена не одна обращающаяся к суду сторона судебного разбирательства, но и противоположная ей. К примеру, в гражданском процессе при удовлетворении законных требований истца суд проверяет правильность расчетов, произведенных истцом, тем самым реализуя право ответчика на соразмерность ответственности. В противном случае истец получил бы определенную доступность, но точно не доступность правосудия.

При исследовании на соответствие других принципов, следует помнить, что сам судебный процесс направлен на достижение главной своей цели — правосудия. Следовательно, реализация через процессуальные институты и нормы правовых

принципов есть и реализация «доступного правосудия».

Таким образом, «доступность правосудия» выступает в иной роли, нежели просто принцип. Возможно ее понимание как «надпринципиальной» категории. Она включает в себя сам дух и смысл процессуального права. «Доступность правосудия» (при идеализации понятия «правосудие») выступает как доступность достижения истины в рамках законной процедуры. Соглашаясь с отечественными и зарубежными авторами¹⁰ стоит отметить многоаспектный характер данной категории. «Доступность» является одновременно и целью, и критерием современных правовых систем, может служить основой исследований компаративистов.

Из вышесказанного и на основании анализа существующих в доктрине права точек зрения понимания обсуждаемой категории следует вывод, что «доступность правосудия» является одной из основных идей судопроизводства в целом, концепцией, «надпринципом», работоспособность которой можно характеризовать исходя из существующий правовых принципов, институтов, норм, «многообразия юридических возможностей» в их развитии и реализации. «Доступность» пронизывает судебный процесс, начиная с момента возникновения права на подачу иска и до вынесения правосудного решения. Постоянно развиваясь, данная категория повышает свой уровень как количественно (предоставляя возможность каждому без исключения обращаться за защитой своих нарушенных прав и отстаивать свои интересы), так и качественно, упрощая процесс достижения истины, делая разбирательство в суде более объективным. Развитие разных процессуальных аспектов, будь то изменение правил подсудности, добавление новых форм производства, процессуальных гарантий или электронного документооборота, в своей совокупности способствует развитию доступности правосудия.

¹⁰ Cappelletti M. Access to Justice and the Welfare State. Firenze, 1979; Toward Equal Justice: A Comparative Study of Legal Aid in Modern Societies (Texts and Materials) / By M. Cappelletti, J. Gordley and E. Johnson Jr. [Studies in Comparative Law. № 13]. Milan: Dott. Editore; Dobbs Ferry, 1975.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Токарев Эдуард Андреевич

студент 4 курса

Российского государственного университета правосудия

В соответствии со ст. 68 ФЗ «Об исполнительном производстве» одной из мер принудительного исполнения является обращение взыскания на имущественные права должника, в том числе на исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, права требования по договорам об отчуждении или использовании исключительного права на результат интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, право использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, принадлежащее должнику как лицензиату¹.

При анализе ст. 75 данного Закона, указывающей виды имущественных прав, на которые может быть обращено взыскание, возникает ряд вопросов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение: в связи с чем в отношении результатов интеллектуальной деятельности и приравняемых к ним средств индивидуализации следует оперировать понятием «исключительные имущественные права на объекты интеллектуальной собственности» вместо «объекты интеллектуальной собственности»? Возможно ли включать права на объекты интеллектуальной собственности в состав имущества, на которое может быть обращено взыскание?

Анализируя ст. 128 ГК РФ, относящую к объектам гражданских прав вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права, результаты работ и оказание услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность), нематериальные блага, отметим тот факт, что исключительные права на объекты интеллектуальной собственности включают в себя личные неимущественные права (авторское право, патентное право и др.) и исключительные имущественные права (право на использование объектов интеллектуальной собственности)².

В соответствии со ст. 4 ст. 129 ГК результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (ст. 1225 ГК РФ) не могут отчуждаться или иным способом переходить от одного лица к другому. Однако права на такие результаты и средства, а также материальные носители, в которых выражены соответствующие результаты или средства, могут отчуждаться или иным способом переходить от одного лица к другому в случаях и в порядке, которые установлены ГК РФ.

¹ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015) // Российская газета. 2007. 06 октября. № 223.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015) // Российская газета. 1994. 08 декабря. № 238–239.

С точки зрения профессора Д.Х. Валеева, в силу своей природы сами объекты интеллектуальной собственности не могут использоваться в коммерческом обороте³. В отличие от объектов вещных прав они имеют идеальную природу. Как всякие нематериальные объекты, не имеющие натуральной формы, результаты интеллектуальной деятельности не подвержены износу, амортизации. Они могут устаревать лишь морально⁴.

В Порядке включения объектов интеллектуальной собственности в состав нематериальных активов от 13 марта 1995 г. указывается, что в состав нематериальных активов в качестве учетных единиц включаются права на объекты интеллектуальной собственности⁵.

Судебная практика придерживается точки зрения, согласно которой объекты интеллектуальной собственности не могут быть вкладом в имущество хозяйственного товарищества и общества. В п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъясняется, что вкладом в хозяйственное товарищество и общество не может быть объект интеллектуальной собственности (патент, объект авторского права, включая программы для ЭВМ, и т.п.) или «ноу-хау». Однако в качестве вклада мо-

жет быть признано право пользования таким объектом, передаваемое обществу или товариществу в соответствии с лицензионным договором, который должен быть зарегистрирован в порядке, предусмотренном законодательством⁶.

Как отмечает профессор О.В. Исаенкова, важно понять, какие из указанных прав могут находиться в обороте, в том числе передаваться, отчуждаться и в исключительном случае подвергаться взысканию. Поэтому необходимо четко отграничивать исключительные права от обязательственных. Последние, в отличие от первых, — права относительные. Они могут составлять содержание правоотношений, возникающих из различных договоров, предметом которых выступают исключительные права (лицензионные договоры, договоры коммерческой концессии). Иначе говоря, соответствующие обязательственные имущественные права могут возникать и существовать по поводу тех или иных исключительных прав, но они не отождествляются с ними⁷.

Статья 1241 ГК РФ также устанавливает, что допускается переход исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации к другому лицу без заключения договора при обращении взыскания на имущество правообладателя⁸.

Таким образом, исходя из представленного, возможно сделать вывод, что как на легальном, так и на доктринальном уровнях

³ Валеева Д.Х. Исполнительное производство: Учебник для вузов. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2010. (Серия «Учебник для вузов»).

⁴ Гражданское право: Учебник / Под ред. Е.А. Суханова. М: БЕК, 2002. Т. 1. С. 624.

⁵ Порядок включения объектов интеллектуальной собственности в состав нематериальных активов, утвержден решением Миннауки РФ № ОР22–2-64 (Роспатентом № 10/2–20215/23 от 13.03.95) во исполнение постановления Правительства РФ от 26 июля 1994 г. № 870 «Положение о приватизации объектов научно-технической сферы»//СЗ РФ. 1994. № 15. Ст. 1783

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2005. № 12 («Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ (1992–2005 годы)»).

⁷ Постатейный комментарий к Федеральному закону от 2 октября 2007 Г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» / Под редакцией профессора доктора юридических наук О.В. Исаенковой//СПС «Консультант-Плюс»

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // Российская газета. 2006. 22 декабря. № 289.

в вопросе о наложении взыскания на результаты интеллектуальной собственности и приравняемые средства индивидуализации речь идет непосредственно о наложении взыскания на права на объекты интеллектуальной собственности.

Говоря о возможности включения права на объекты интеллектуальной собственности в состав имущества, на которое может быть обращено взыскание, в качестве примера приведем договор продажи предприятия. В п. 2 ст. 559 ГК РФ указано, что продавец обязуется передать в собственность покупателя предприятие в целом как имущественный комплекс, при этом права на фирменное наименование, товарный знак, знак обслуживания и другие средства индивидуализации продавца и его товаров, работ или услуг, а также принадлежащие ему на основании лицензии права использования таких средств индивидуализации переходят к покупателю, если иное не предусмотрено договором⁹.

Аналогичная норма содержится в ст. 110 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве) где указано, что «при продаже предприятия отчуждаются все виды имущества, предназначенного для осуществления предпринимательской деятельности», в том

числе «права на обозначения, индивидуализирующие должника, его продукцию, работы и услуги (фирменное наименование, товарные знаки, знаки обслуживания), другие принадлежащие должнику исключительные права, за исключением прав и обязанностей, которые не могут быть переданы другим лицам»¹⁰. Следовательно, исключительные права, входящие в состав предприятия при банкротстве, передаются вместе с самим предприятием.

Таким образом, под правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации подразумеваются имущественные права, а также в установленных ГК РФ случаях и личные неимущественные права на интеллектуальную собственность.

Нет сомнений в легальной обоснованности отнесения прав на объекты интеллектуальной деятельности к составу имущества в целом. Это, в свою очередь, позволяет сделать вывод об использовании в исполнительном производстве термина «имущество» не только в рамках вещей, включая деньги, ценные бумаги, но также включая имущественные права, в том числе исключительные имущественные права на объекты интеллектуальной собственности.

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.06.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2015) // Электронный ресурс: base.consultant.ru

¹⁰ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2015) // Электронный ресурс: base.consultant.ru

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИКИ В ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИИ НА ОБЬ-ИРТЫШСКОМ СЕВЕРЕ В ПЕРИОД 1920–1930 ГГ.

Цветкова А.А.

студентка 1 года обучения магистратуры
(факультет экономики и управления территориями) Московского государственного
университета геодезии и картографии
Научный руководитель: А.П. Сизов

Взаимодействие природы и человека — одна из важнейших проблем современности, в которой по-прежнему преобладает тенденция к покорению природы. В ряде регионов, включая Обь-Иртышский Север, такая деятельность человека привела к потере значительного числа естественных богатств, вызвала ухудшение состояния биосферы и уничтожение многих растений и животных.

Нарушение экологического баланса на Севере Российской Федерации гораздо глубже, чем в любой другой части планетарного Севера. В полной мере это относится и к Обь-Иртышскому Северу ввиду широкомасштабного освоения месторождений углеводородного сырья со второй половины XX в. и создания мощной инфраструктуры, обеспечивающей это освоение.

Современное российское общество заметно регионализируется, что усиливает интерес к истории 1920-х гг., в том числе к развитию хозяйства в целом и его отдельных отраслей. Появились работы по истории природопользования и экологической политики советского государства в 1920–1930 гг., показывающие взаимодействие человека и природы на Обь-Иртышском Севере в общем контексте советской политики того времени.

Общесоюзное законодательство в области природопользования уточнялось реги-

ональным с учетом территориальной специфики промыслового хозяйства. Так, в целях восстановления охотничьего хозяйства было принято «Положение об охоте в Уральской области». Общее руководство охотничьим хозяйством возлагалось на Уральский областной лесной отдел Уральского областного земельного управления и его окружные лесные отделы (подотделы охоты), которые должны были принимать надлежащие меры по развитию охотничьего хозяйства. Областными исполкомами, во исполнение центральных распоряжений, ежегодно/раз в два года издавались местные обязательные постановления об охоте. Для охраны ценных охотничьих животных воспрещалась охота: на соболя с 1927 по 1930 гг.; на кидаса (гибрид соболя и куницы) — с 1927 по 1930 гг. и на барсука — с 1926 по 1930 гг. Таким образом, в 1920-е гг. была разработана и введена в действие законодательная основа охоты. Охотничий промысел регулировался на центральном, региональном и местном уровнях.

В тесной связи с охотой находилось лесное хозяйство Обь-Иртышского Севера, регулируемое нормативными документами Уральского областного и Тобольского окружного исполкомов Советов.

Регулированию рыболовства на региональном уровне посвящено значительно

меньше нормативных документов. В марте 1924 г. Тобольский окрисполком утвердил постановление о порядке использования рыболовных угодий, закрепляющее арендные отношения в рыболовстве. Рыболовам предлагалось заключать арендные договоры с райисполкомами.

Созданная правовая основа охотничьего, лесного и рыболовного хозяйства не была идеальной. Не всегда нормативные документы соответствовали местной специфике, противореча ей. Главной проблемой оставалась исполнительская дисциплина.

Одной из целей охраны природы Обь-Иртышского Севера было создание охраняемых территорий. В Уральской области к 1927 г. насчитывалось 249 заказников общей площадью 1 766 тыс. десятин (1 % от площади области). Специальную охрану имели 14 заказников, 124 заказника охранялись лесной стражей, 7 — членами охотничьей кооперации (бесплатно); 104 заказника не охранялись. Обозначенные на местности границы имели 46 заказников, для 49 заказников границами служили квартальные просеки, а 154 заказника границы не имели.

Видно, что для сохранения охотничьих ресурсов недостаточно юридически определить заказанную территорию — ее следует должным образом охранять, что всегда, особенно на Севере, вызывало серьезные проблемы. Лишь запретительными мерами добиться соблюдения правил охоты невозможно. Поэтому, наряду с нормотворческой, большое внимание уделялось пропагандистской и просветительской работе среди населения, занимающегося охотничьим промыслом. Так, в Сургутском уезде в 1920 г. был создан Союз правильной охоты, объединивший «всех охотников, любителей и промышленников, имеющих жительство в пределах Сургутского уезда в целях интересов охотников, как таковых, охранения дичи и угодий от истребления и расхищения, поднятие культурного уровня своих членов и техники охоты».

Положительные результаты пропаганды и просвещения снижались из-за больших

пространств при чрезвычайно низкой плотности населения, удаленности Обь-Иртышского Севера от хозяйственно-административных центров, плохих путей сообщения и неразвитости средств связи.

Для эффективного регулирования природопользования требовалось проведение землеустройства (упорядочения имевшихся форм землепользования и образования новых), необходимого для «пробуждения» потенциальных возможностей Севера. В 1920-е гг. землеустроительные работы были только начаты, завершившись в 1930-е гг.

В проведении экологической политики на Обь-Иртышском Севере в 1920-е гг. большую роль играли региональные власти и Комитет Севера при ВЦИК со своими территориальными отделениями, нацеленные на комплексное освоение ресурсов, бережное отношение к природе, сотрудничество с населением. Акцент на аборигенов Севера как акторов, способных полноценно освоить богатые природные ресурсы, соотносился с «положительным» географическим образом региона, формируемым научным и профессиональными сообществами в 1920-е гг.

К концу 1920 — началу 1930-х гг. ситуация в природопользовании ухудшилась. Усиливается давление хозяйственных ведомств (Наркомторг, Наркомснаб и т.п.). Центральным элементом политики и практики по отношению к природе стал утилитаризм, бесконтрольное использование природных ресурсов для ускорения экономического роста и немедленного экономического эффекта. Курс первых пятилеток на стремительную индустриализацию и коллективизацию привел к радикальному воздействию на природные ресурсы. Вопросы охраны ресурсов и их комплексного использования отошли на второй план, а коренное население фактически было отстранено от реального управления регионом.

Таким образом, именно хозяйственную целесообразность можно считать определяющим фактором изменения политики в природопользовании на Обь-Иртышском Севере в период 1920–1930 гг.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ ЧЕРЕЗ РАСШИРЕНИЕ РЕСУРСНОЙ БАЗЫ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дилбарян-Дарчинян Т.С.

магистрант 1 курса экономического факультета
Российского государственного университета правосудия

Согласно документу, утвержденному Президентом Российской Федерации Дмитрием Медведевым 18 сентября 2008 г. Пр — 1969 «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», главной целью государственной политики Российской Федерации в Арктике в сфере социально-экономического развития является расширение ресурсной базы Арктической зоны Российской Федерации, способной в значительной степени обеспечить потребности России в углеводородных ресурсах, водных биологических ресурсах и других видах стратегического сырья.

Развитие северных и прежде всего арктических территорий стало в последнее время предметом не только оживленных политических и научных дискуссий, но и темой обсуждения министров иностранных дел стран, «входящих» в Арктику: России, Канады, США, Норвегии и Дании. И это не случайно. В мае 2009 года Комиссия ООН по границам континентального шельфа приступила к рассмотрению заявок прибрежных государств и определению внешних рубежей территории континентального шельфа, на которую может претендовать каждая страна, ратифицировавшая Конвенцию Организации Объединенных Наций по морскому праву от 1982 года.

Так, например, 11 марта 2015 года Комиссия по границам континентального шельфа единогласно утвердила представление Российской Федерации в отношении континен-

тального шельфа в Охотском море. Комиссия полностью согласилась с представленным нашей страной научно-техническим и правовым обоснованием заявки. В соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года границы шельфа, установленные прибрежным государством на основе рекомендаций Комиссии, являются окончательными и обязательными для всех.

Российская заявка в отношении анклава в центральной части Охотского моря удовлетворена в полном объеме. Речь идет об участке континентального шельфа площадью 52 тыс. кв. км, расположенном за пределами 200 морских миль от побережья России. По имеющимся оценкам, данный район богат ценными полезными ископаемыми и другими природными ресурсами, исключительное право на освоение которых отныне принадлежит России.

С точки зрения ресурсов Арктика — один из самых богатых регионов мира. По всем основным видам полезных ископаемых прогнозные ресурсы ее недр значительно превышают запасы других территорий. Причем этих ресурсов в Арктической зоне России больше, чем в любом другом государстве. Перспективными на нефть и газ признаны 43 % суши и 70 % площади шельфа АЗР (Арктической зоны России). Потенциал арктических нефтегазоносных провинций России огромен. Стратегической необходимостью для России является именно комплексное освоение Арктики и Северного морского пути.

СЫРЬЕВАЯ БАЗА ТЕРРИТОРИЙ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Саранцева В.С.

магистрант 1 курса

экономического факультета Российского государственного
университета правосудия

Северный морской путь — кратчайший морской путь между Европейской частью России и Дальним Востоком, исторически сложившаяся национальная единая транспортная коммуникация Российской Федерации в Арктике. Проходит по морям Северного ледовитого океана (Баренцево, Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское) и частично Тихого океана (Берингово). Северный морской путь ограничен западными входами в новоземельские проливы и меридианом, проходящим на север от мыса Желания, а на востоке в Беринговом проливе параллелью 66 градусов северной широты и меридианом 168 градусов 58 минут 37 секунд западной долготы. Длина Северного морского пути от Карских Ворот до бухты Провидения около 5600 км. Расстояние от Санкт-Петербурга до Владивостока по Северному морскому пути составляет свыше 14 тыс. км (через Суэцкий канал — свыше 23 тыс. км). Северный морской путь обслуживает порты Арктики и крупных рек Сибири (ввоз топлива, оборудования, продовольствия, вывоз леса, природных ископаемых).

Альтернатива Северному морскому пути — транспортные артерии, проходящие через Суэцкий или Панамский каналы. Однако если, например, расстояние, проходимое судами из порта Мурманск в порт Иокогама (Япония) через Суэцкий канал, составляет 12840 морских миль, то Северным морским путем — только 5770 морских миль. Главное препятствие для прохода су-

дов — лед. Современное ледокольное обеспечение позволяет, при необходимости, организовать круглогодичную навигацию.

По мнению И.В. Сергеевой, Крайний Север — это территория, превышающая несколько европейских государств вместе взятых, имеющая полмиллиона населения, экстремальные климатические условия, дающая четверть всех валютных поступлений в государственный бюджет России и обладающая богатейшими запасами углеводородного сырья. Здесь ежегодно добывается 20 % мирового и 90 % российского газа и нефти. Более того, Крайний Север — это не только мощная сырьевая база страны сегодня, это и своего рода гарант энергетической безопасности государства на многие годы вперед: здесь сосредоточена четверть всех разведанных мировых запасов природного газа и нефти¹.

В некоторых районах проживания коренных народов Севера сложилась кризисная экологическая ситуация. Здесь сократились площади водоемов, истощились рыбные ресурсы, погибли олени пастбища. Это привело к изменению условий жизни и труда коренного населения и сказалось на их здоровье. Чтобы сохранить привычный уклад жизни, люди вынуждены переселяться на другие территории.

В качестве стратегических направлений экономической деятельности в Чукотском автономном округе с учетом специфических особенностей Крайнего Севера определены развитие добывающих отраслей и проведе-

¹ Сергеева И.В. Исторические особенности, проблемы и тенденции организации труда вахтовым методом в условиях Крайнего Севера//Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования, 2012, № 2.

ние геолого-разведочных работ с целью более полного и эффективного освоения минерально-сырьевой базы².

Нигде на территории Российской Федерации невозможно представить такой богатый нефтегазодобывающий комплекс, который близко расположен к существующей нефтегазотранспортной инфраструктуре. Твердое формирование экономики России, рост благосостояния страны невозможны без масштабного освоения природных ресурсов. Выполнение закладываемых в Распоряжении Правительства РФ от 13.11.2009 «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года»³ параметров увеличения добычи природного газа и нефти напрямую связано с освоением территорий Крайнего Севера. Территории Крайнего Севера являются наиболее изученными и подготовленными к освоению, обладающими внушительными запасами.

На основании Распоряжения Правительства РФ от 02.09.2003 «О Концепции развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2020 года» организации рыбного хозяйства являются градообразующими во многих приморских регионах страны и обеспечивают занятость населения. Особое значение это имеет для районов Дальнего Востока и Крайнего Севера, где рыбный промысел является основным источником обеспечения жизнедеятельности населения, в том числе коренных малочисленных народов⁴.

Разработка месторождений и осуществление инфраструктурных проектов на территории Крайнего Севера является трудоемкой

и крайне затратной, так как требует использования дорогого оборудования и высококвалифицированных специалистов. Некоторые специалисты указывают, что минерально-сырьевая база континентального шельфа России обладает низкой инвестиционной привлекательностью вследствие недостаточных объемов доказанных (разведанных) запасов и недостаточной изученности ресурсной доли углеводородного потенциала⁵.

Северный морской путь является важнейшей частью инфраструктуры экономического комплекса Крайнего Севера и связующим звеном между российским Дальним Востоком и западными районами страны. Северный морской путь объединяет в единую транспортную сеть крупнейшие речные артерии Сибири, сухопутные и воздушные виды транспорта. На направлении Мурманск — Дудинка осуществляется круглогодичная морская навигация в целях, в основном, обеспечения деятельности ОАО «ГМК «Норильский никель».

Таймыр относится к наименее изученным в геологическом отношении территориям России. Несмотря на это, база сырьевых ресурсов полуострова оценивается как значительная. Имеются запасы каменного угля, нефти, газа, меди, свинца, цинка, никеля, благородных металлов и т.д.

На территории муниципального района под государственной охраной находится 23 объекта культурного наследия⁶.

Сырьевая база богато представлена полезными ископаемыми, сырьем для промышленности строительных материалов, водными ресурсами, а также значитель-

² Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2010. 25 января. № 4. Ст. 421.

³ Распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 № 1715-р «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2009. 30 ноября. № 48. Ст. 5836.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 02.09.2003 № 1265-р «О Концепции развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2020 года» // СЗ РФ. 2003. 08 сентября. № 36. Ст. 3557.

⁵ Телегина Е.А. Ресурсы Арктического региона: перспективы и проблемы их освоения // Арктика: зона мира и сотрудничества. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 46.

⁶ Проект Постановления Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» // <http://regulation.gov.ru/project/13958.html>

ными территориями для хозяйственного освоения, данный вывод был сделан на основании распоряжения Заместителя Председателя ВС РФ от 01.06.1992 № 2.3-Р-5 о Государственной инновационной программе⁷. Программа предусматривает использование высокого промышленного потенциала г. Воркуты и наличие существующих транс-

портных сетей для дальнейшего развития территории Крайнего Севера, в том числе нефтегазоносных провинций п-ва Ямал, шельфовых месторождений нефти и газа на Баренцевом и Карском морях, а также оказание практической помощи народам Крайнего Севера в экономическом и социально-культурном развитии.

⁷ Распоряжение Заместителя Председателя ВС РФ от 01.06.1992 № 2.3-Р-5 «О Государственной инновационной программе «Комплексное освоение природных ресурсов, развитие производительных сил и социально-экономической сферы Воркутинского промышленного района» // СПС Консультант Плюс.

АНАЛИЗ КАРТОГРАФИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ КРЫМА

Борисова Д.Ф.

студент 1 курса магистратуры по направлению «Землеустройство и кадастры»
(факультет экономики и управления территориями)
Московского государственного университета геодезии и картографии

Картографическое обеспечение территории является необходимым компонентом для реализации программ и проектов пространственного развития территории любого государства и региона. Картографирование Крыма имеет давнюю историю. Первые картографические материалы на его территорию были составлены Клавдием Птолемеем¹ во II веке. К середине XVI века появились карты, составленные Сигизмундом Герберштейном². Ближе к первой половине XVII века подобные материалы были созданы известным картографом и географом Герхардом Меркатором³. В конце XVIII века картографическое описание территории современного Крыма было отражено в работах Я.Ф. Шмидта⁴, Ф. Черного⁵ и К.И. Габлица⁶.

XIX и XX века характеризовались активным созданием номенклатурных листов топографических карт⁷ Военно-топографическим депо и Генеральным Штабом, покрывающих всю территорию полуострова, а также других карт преимущественно для решения военных задач. Пример — французская карта Крыма для разведывательных военных операций (1854)⁸. Кроме того,

карты на территорию Крыма нашли свое отражение в атласе Российской империи Ильина⁹, Атласе Российского государства на основании истории Карамзина¹⁰ (1831), Атласе Российской империи¹¹ (1835) на территорию нашей страны еще с XIX века, а в XX веке — в послевоенных атласах СССР¹².

На сегодняшний день продолжают создаваться тематические и общегеографические карты, большую популярность приобрели электронные карты, в частности навигационные, кроме того, появились сервисы, позволяющие просматривать карты в интерактивном режиме¹³. В связи с географическим положением территории большую популярность приобрели наглядные туристические карты-схемы¹⁴ на крымскую территорию. Особенностью современного создания картографических материалов является перевод информации в цифровой формат с использованием ГИС-технологий и постепенный уход от их многотиражного издания.

После включения Крыма 21 марта 2014 года в состав Российской Федерации возникла проблема разработки схемы када-

¹ <http://crimea-map.ru/147163.html>

² <http://crimea-map.ru/147211.html>

³ <http://www.etomesto.ru/karta394/>

⁴ <http://www.archmap.ru/1777/38.htm>

⁵ <http://www.archmap.ru/1790/46.htm>

⁶ <http://www.archmap.ru/1787/indgabl.htm>

⁷ http://www.etomesto.ru/map-krym_topo/?find=1&z=1&x=34.102505&y=44.952148

⁸ http://www.etomesto.ru/map-krym_1854/?find=1&z=1&x=34.102505&y=44.952148

⁹ <http://www.runivers.ru/bookreader/book43130/#page/54/mode/2up>

¹⁰ <http://www.runivers.ru/bookreader/book16652/#page/5/mode/1up>

¹¹ <http://www.runivers.ru/bookreader/book58819/#page/58/mode/1up>

¹² http://www.etomesto.ru/map-atlas_ssr-1947/?find=1&z=1&x=34.102505&y=44.952148

¹³ <https://www.google.ru/maps/@45.3237344,34.547558,8z>

¹⁴ <http://crimea-media.ru/Base/Map/MapCrimea1B.jpg>

стрового деления. Это было сделано Росреестром, и на публичной кадастровой карте РФ в настоящее время территория Крыма представлена кадастровым округом¹⁵ № 90, а территория Севастополя — кадастровым округом № 91.

В результате анализа изложенных материалов сделаны следующие выводы:

1. Территорию Крыма в картографическом отношении следует считать достаточно изученной.

2. Разнообразие картографического материала по содержанию, точности, способу использования, а также временному охвату позволяет решать широкий спектр задач, связанных с анализом территорий, их мониторингом, прогнозированием и динамикой различных явлений.

Современные технологии позволяют создавать карты в векторной графике с присвоением определенных атрибутов, что добавляет им большее удобство в использовании.

¹⁵ <http://maps.rosreestr.ru/PortalOnline>

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СЕТИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Аблямитова С.Ш.

студентка 1 курса магистратуры
юридического факультета Крымского филиала РГУП

Постановлением Верховной Рады Автономной Республики Крым от 17.09.2008 г. утверждена Программа формирования региональной экологической сети в АРК на период до 2015 года. В связи с переходом Республики Крым под юрисдикцию Российской Федерации возникает необходимость адаптации программы по сохранению экологической сети, как части Стратегии территориального развития Крыма, к российскому законодательству.

При сравнительном анализе законодательства РФ и Украины, регулирующего отношения в области организации, охраны и использования особо охраняемых природных территорий, был выявлен ряд несоответствий, требующих нормативно-правового урегулирования.

I. Классификация особо охраняемых природных объектов по категориям.

Классификация объектов природно-заповедного фонда по категориям в Украине приведена в ст. 3 ЗУ «О природно-заповедном фонде Украины» (далее — ЗУ), в Российской Федерации — в ст. 2 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (далее — ФЗ).

В Крыму имеются объекты природно-заповедного фонда всех приведенных в ЗУ категорий, кроме того, Постановлением Верховного Совета Крыма на его территории установлена одна дополнительная категория объекта заповедания местного значения, всего 196 объектов. По большинству категорий в обоих законах наблюдается практически полное соответствие. Однако на территории Крыма имеются объекты, категории которых в законодательстве РФ отсутству-

ют. И если заповедные урочища и ландшафтно-рекреационные парки возможно по ряду параметров причислить к памятникам природы либо региональным ландшафтными паркам, то зоологические парки и парки-памятники садово-паркового искусства в российском законодательстве аналогов не имеют. Среди крымских парков-памятников есть всемирно известные — Воронцовский и Ливадийский, заслуживающие статуса федеральных, что потребует внесения дополнений в соответствующий ФЗ.

Кроме того, по мнению М. Эйдельберга, в Крыму заповеданию подлежат находящиеся под угрозой исчезновения в связи с расширением жилой застройки участки исторически сложившегося агроландшафта — южнобережных виноградников (например, в районе памятника природы Красный камень участка выращивания муската белого красного камня), что влечет за собой формирование совершенно новой как для российского, так и для украинского законодательства категории особо охраняемых природных территорий — «агроландшафт-памятник культурного наследия», ближайшими аналогами которого в российском законодательстве являются ботанические сады и дендрологические парки, а в украинском — парки-памятники садово-паркового искусства.

II. Классификация особо охраняемых природных объектов по значению.

В соответствии с п. 4 ст. 2 ФЗ эти объекты могут быть федерального, регионального и местного значения. Согласно ч. 4 ст. 3, ст. 53 ЗУ его объекты могут быть общегосударственного и местного значения, причем

уровень местного значения для территории Крыма — республиканский. В соответствии с п. 6 Постановления ВС АР Крым от 17 марта 2014 г. «О независимости Крыма» государственная собственность Украины на территории Республики Крым перешла в государственную собственность Республики Крым, и, соответственно, после присоединения Крыма к РФ все объекты природно-заповедного фонда Крыма стали объектами регионального значения.

На сегодняшний день разграничение особо охраняемых территорий Крыма по их значению не проведено, поскольку проект Распоряжения Правительства РФ «О передаче в ведение Минприроды России особо охраняемых природных территорий федерального значения, расположенных в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе», подготовленный Минприроды России, с руководством Крыма не согласован. Таким образом, все особо охраняемые природные территории являются объектами регионального значения. Сложившееся положение противоречит действующему законодательству РФ, поскольку природные заповедники и национальные природные парки имеют исключительно федеральное значение.

Неопределенность в вопросах разграничения особо охраняемых территорий Крыма по значению может привести к деградации наиболее ценных из них, нуждающихся в федеральном финансировании, выделение которого возможно лишь на объекты федерального значения.

III. Распределение земель особо охраняемых природных территорий по категориям.

В соответствии со ст. 44 Земельного кодекса Украины (далее ЗКУ) все земли, на которых расположены объекты природно-заповедного фонда, отнесены к категории «земли природно-заповедного фонда». Согласно ст. 7 ЗУ на землях природно-заповедного фонда запрещается любая деятельность, которая негативно влияет (может негативно повлиять) на состояние природных комплексов и препятствует их использованию по целевому назначению.

Земельный кодекс РФ (далее ЗКР) предусматривает возможность размещения особо охраняемых природных объектов как на категории «земли особо охраняемых территорий и объектов», если они располагаются за границами населенных пунктов, так и на «землях населенных пунктов». Землями населенных пунктов при этом являются земли, используемые и предназначенные для застройки и развития населенных пунктов. От земель иных категорий их отделяют границы населенных пунктов. В их составе в соответствии с градостроительными регламентами могут размещаться территориальные зоны особо охраняемых территорий (п. 10 ч. 2 ст. 85). Тогда их использование регламентируется ст. 94–100 ЗКР. Границы территориальных зон определяются в соответствии со ст. 32 Градостроительного кодекса РФ посредством разработки и утверждения представительным органом местного самоуправления Правил землепользования и застройки. Таким образом, решение вопросов о функционировании заповедных объектов спускается на муниципальный уровень.

Особо охраняемые природные территории в Крыму располагаются как за границами, так и в границах населенных пунктов. Так, отдельные участки Ялтинского горно-лесного природного заповедника присутствуют в городах Ялта и Алушка, поселках Гаспра, Форос, Массандра.

В целях сохранения ценнейших природных объектов, по нашему мнению, целесообразно в ст. 95 ЗКР внести дополнение в части возможности размещения в границах населенных пунктов категории земель особо охраняемых природных территорий, а не только категории «земли населенных пунктов». Кроме того, требуется откорректировать действующие проекты границ населенных пунктов, исключив из них природные заповедники.

Таким образом, сохранение и развитие экологической сети РК требует внесения изменений в ряд нормативно-правовых актов.

1. Мы предлагаем внести в ФЗ дополнительные категории особо охраняемых природных объектов — зоологические парки,

парки-памятники садово-паркового искусства. Также создать новую категорию — «агроландшафт-памятник культурного наследия», которая в законодательстве обеих стран вообще отсутствует.

2. Мы рекомендуем органам власти РК срочно передать в ведение Минприроды России наиболее ценные и нуждающиеся в финансовой поддержке заповедные объекты, в первую очередь, Крымский природ-

ный, Ялтинский горно-лесной, Карадагский, Опуцкий, Казантипский заповедники.

3. Внести в ЗКР дополнение в части возможности размещения в границах населенных пунктов, помимо категории «земли населенных пунктов», также категорию «земли особо охраняемых территорий и объектов». Внести изменения в границы тех населенных пунктов Крыма, которые включают участки природных заповедников.

ЕЖЕГОДНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРАВО И СУД В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Одним из самых ярких мероприятий, проводимых в Университете, является Международная научно-практическая конференция «Право и суд в современном мире». Ежегодно в ней принимают участие более 350 студентов не только из России, но и из других стран: Беларуси, Украины, Польши.

В феврале 2016 г. конференция была посвящена принципам права. По традиции пленарное заседание открыл ректор Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН Валентин Валентинович Ершов. На пленарном заседании также были заслушаны доклады проректора по научной работе, доктора

юридических наук, профессора Виктора Николаевича Корнева, заведующего кафедрой гражданского права, доктора юридических наук, профессора Владимира Викторовича Кулакова, кандидата юридических наук, доцента кафедры уголовного права Юрия Ивановича Антонова.

Примечательно, что на открытии конференции состоялась презентация электронного научного журнала молодых ученых «Фемида. Science».

По окончании конференции были распределены призовые места. Победители были награждены дипломами и памятными книгами, а также подарками от компании «КонсультантПлюс».

По итогам конференции будет опубликован сборник научных статей.

ОТЧЕТ О ВНЕШНИХ МЕРОПРИЯТИЯХ РГУП ЗА 2015–2016 УЧЕБНЫЙ ГОД

Студенты Российского государственного университета правосудия принимали участие в конференциях и круглых столах не только своего вуза, но и других российских вузах, успешно занимая призовые места.

Делегация студентов РГУП участвовала в проводимой впервые Межвузовской научно-практической конференции молодых ученых «Частное право: история и современные тенденции развития» в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Студенты с большим энтузиазмом участвуют в научных конференциях, проводимых в филиалах Университета. Так, Кучина Анастасия (студентка 3 курса ОЮФ) заняла III место на Ежегодной всероссийской научной студенческой конференции «Проблемы и перспективы развития права и правосудия в современном мире» в Северо-Кавказском филиале РГУП, а Мамедгасанов Сабир (студент 3 курса очного юридического факультета, специальности «Судебная экспертиза») занял 2 место на Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Актуальные проблемы юридической науки и судебной практики» в Казанском филиале РГУП.

Примечательно то, что наши студенты не только представляют доклады на конференциях, но и участвуют в качестве волонтеров в различных юридических конкурсах. Так, Тишкова Альбина (студентка 1 курса магистратуры) получила благодарность за помощь на конкурсе «Хрустальная Фемида», который состоялся 19–20 ноября в Санкт-Петербурге.

Студенты РГУП ежегодно являются участниками проводимых весной конференций в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Так, студентка 2 курса ОЮФ Приступова Елизавета заняла призовые места и в МГУ, и в МГЮА.

Наши студенты не обходят стороной и такие важные мероприятия, как VII Международный молодежный юридический форум, который проводится в Санкт-Петербургском государственном университете. Студенты РГУП не только посетили пленарное заседание и научные мероприятия, но и познакомились с представителями других юридических вузов, договорившись о совместном сотрудничестве.